

Loyens & Ladd, Chicago
Bonjour, Nicolas!

Он — русский, она — француженка.

Он — любящий и любимый сын, она — сбежала из дома, когда ей было пятнадцать.

Он — ученый, она — неизвестная артистка.

Он задумался о семье, она мечтала о карьере...

Их встреча была случайной.

Они провели вместе три дня, чтобы прожить пятнадцать лет врозь.

Bonjour, Nicolas!

Мы уже не те люди, которыми были в прошлом году, не те и те, кого мы любим. Но это прекрасно, если мы, меняясь, продолжаем любить тех, кто тоже изменился.

Уильям Сомерсет Моэм

25 декабря 1925 года, Лондон

Шкаф, стол, камин, ширма, кресло, окно...

Прервав беспорядочное движение по комнате, она застыла, глядя, как темнеет на улице от затянувших небо туч. В комнате впору было зажигать свет, но она не торопилась это сделать. В сгущающихся сумерках было проще видеть призраков. Призраков, которых она звала, и одновременно боялась, что они придут. Она видела себя девятнадцатилетнюю. Восторженную, целеустремленную... Глупую! И видела его. Но теперешнего. Такого, каким он запомнился в момент их объяснения. Спокойного, сдержанного, все понимающего. Ведь она знала, что он никогда не устроит сцены и примет все, что услышит. Но как же она хотела, чтобы он хотя бы прикрикнул на нее. Чтобы можно было заставить себя подумать, определить, решить.

Она протянула руку к окну и стала пальцем чертить на стекле какие-то фигуры, узоры, линии. Лишь бы хоть что-то делать. Было уже совсем темно, на улице бушевал неожиданный снегопад, а она по-прежнему стояла у окна, всматриваясь в мокрую черноту. Продолжая видеть на стекле его лицо. Его черты — глаза, нос, губы — она обводила раз за разом. Не отпуская его и зная, как далеко он теперь от нее.

Резко оттолкнувшись от подоконника, в который раз ринулась по комнате. Люстра, торшер, бра, настольная лампа... Схватила ручку, придвинула к краю стола лист бумаги и вновь замерла.

Декабрь 1910 года, Петербург

Он устало потер виски, толком не понимая, зачем это делают те, у кого болит голова. Головной боли это решительно не снимает. Только заставляет чувствовать себя еще более беспомощным.

Хотелось курить, но она не выносила запаха табака. Откуда он это знал? Она говорила? Или догадался? Впрочем... что ж тут удивительного, если он всегда и все знал про нее? Иногда лучше, чем она сама. Даже теперь он был совершенно уверен в том, что сейчас услышит.

К чему тянуть? Какой в том смысл?

Все и так было в ее глазах. А ведь еще только накануне в этих глазах подрагивали, как пламя при шевелении воздуха, игривость, кокетство и что-то еще такое, что он принимал за любовь. До того странного мгновения, когда он сообщил ей о своем намерении жениться на ней в самом скором времени. Будто задул свечу.

Наконец, он поднял взгляд и посмотрел на нее, в очередной раз улыбнувшись при виде ее светленькой прелестной, почти кукольной головки, с которой она упрямо не сняла шляпки. Николай замер, напряженно вглядываясь в ее черты... Тоже немного кукольные, капризные. И думал, что никогда не любил ее больше, чем в эту самую минуту.

Клэр молча положила на столик у дивана маленький белый сверток.

В тишине квартиры ее спокойный голос прозвучал слишком громко:

— Adieu, Nicolas!

Глава 1

20 декабря 1925 года, Лондон

Он не смотрел на часы. Он стоял у зеркала, поправляя манжеты идеально белой рубашки, и отчего-то сейчас вглядывался в собственное отражение. Но вглядывался равнодушно, будто бы перед ним было не его лицо, но чье-то чужое. В свои без малого сорок Николай Аристархович Авершин, профессор истории университета Сорбонна, русский по происхождению, и на собственной шкуре испытавший все прелести эмиграции, конечно, подыстрепался за последний безумный десяток лет. Когда-то русые, чуть выющиеся волосы теперь тронула легкая седина, будто их притрусил пеплом. И глаза будто бы посветлели, выцвели. Все прочее не шло с подобной метаморфозой ни в какое сравнение.

Иногда он думал о том, как прожил эти годы. И, кажется, не находил ответов. Он не вспоминал. Потому что воспоминания заставляли его заглядывать в такую бездну, после которой почти уже невозможно выбраться назад — не знаешь, надо ли. Вся та прежняя жизнь была будто накрыта лоскутом непроглядно черной материи, занавешена, скрыта от глаз. Казалось, вдохнешь один ее запах — станешь задыхаться.

Манжеты были поправлены... Николай оглянулся по сторонам в поисках галстука. Он ненавидел гостиницы. Все до единой. Вечно у него все терялось, едва он переступал их порог. Но, что самое удивительное, жить в гостиницах приходилось довольно часто. Словно кочевая жизнь... Дурацкая кочевая жизнь, под грохот поездов, под рев автомобилей, под залпы орудий.

— Вера! — позвал он жену. — Вера, может быть, ты все-таки отправишься туда одна?

Она вышла из соседней комнаты, взяла со спинки кресла галстук и протянула ему.

Сама была уже давно готова. Простое шерстяное платье темно-серого цвета и небольшая агатовая брошь, которую Николай подарил на первую годовщину их свадьбы. Единственный его подарок, который Вера хранила с особенной трепетностью. Волосы собраны в обычный пучок. В кресле приготовлены пальто и шляпка. Она не любила опаздывать.

— Я почти всегда хожу в театр одна. Не понимаю, почему ты так настойчиво избегаешь там бывать, — она смахнула невидимую пылинку с его плеча. — Уверю, тебе понравится сегодняшней спектакль. Новый, подающий надежды автор. Известный режиссер. И популярная труппа, которую все хвалят. О них сейчас только и разговоров. И это не глупый водевиль, которые ты так не любишь. Между прочим, мне с большим трудом удалось достать билеты.

— Я не избегаю. Я просто не люблю, — коротко ответил он, взяв из ее рук галстук, перекинул его через шею, устроил под воротником и принялся вязать узел. — Как ты не любишь, к примеру, яйца-пашот.

Он посмотрел на Веру, подмигнул и улыбнулся, отдавая себе отчет в том, что улыбка вышла натянутой. Ее длинные витиеватые фразы, почти книжные, всегда заставляли его испытывать нелепое чувство вины. Они были женаты десять лет, из которых жили вместе от силы лишь половину этого времени. Его болтало где-то на юге в Добровольческой армии, когда она отчаянно цеплялась за прежнюю жизнь в Петрограде и, наверное, все еще ждала его. Потом он оказался в Константинополе, как и тысячи прочих, она же уехала в Гельсингфорс. Каждый добирался в Париж своим путем, совершенно не имея сведений о

другом. У нее во Франции много лет жила сестра. Он же надеялся устроиться самостоятельно — в конце концов, наверняка еще остались люди в ученых кругах, помнившие фамилию Авершин... Когда-то давно почти известного историка-египтолога. Наверное, про обстоятельства их встречи в Париже можно было написать роман, если бы только в этом было хоть что-нибудь романтическое. Но увидев ее впервые после долгой разлуки, он так и не почувствовал того, что должно — она сделалась ему совсем чужой за эти годы. И единственное, чему он научился за месяцы их жизни во Франции — это считать Веру хорошим другом. Оставить ее теперь, после всего, в голову ему не приходило. И, пожалуй, она сделала для него больше, чем он для нее — она не давала ему сходить с ума и заглядывать в прошлое. И вместе с тем... так и не перестала быть частью этого прошлого.

— Тебе очень идет это платье, — зачем-то сказал Николай и поправил прядь ее волос, чуть выбившуюся из привычного пучка. Платье ей шло не более любого другого. В нем невозможно было определить ни ее возраста, ни того, привлекательна она или нет. А ведь когда-то бесконечно давно она казалась другой... впрочем, тогда все было другим. И уж тем более он сам.

Под руку, как и положено супружеской паре, они вошли в Ройал-корт. В холле уже толпилась публика, над которой витал тихий гул сдержанных разговоров. Вера никогда не бывала здесь раньше и с интересом осматривалась — когда еще представится возможность пожить несколько недель в Лондоне? Завершится курс лекций, которые в Университетском колледже Лондона читал профессор Авершин, и они вернутся в Париж. Потому эти несколько недель Вера упорно ходила в театры и галереи. В галереи ее иногда сопровождал муж. В театр — чудо, что в этот вечер удалось уговорить.

— Пора, — сказала она Николаю, когда заметила, что публика потянулась в зал, и прошла к их местам.

Он помог ей сесть и сам опустился в кресло, смиренно ожидая начала представления. Названия пьесы он не запомнил, фамилий актеров, несомненно, довольно известных, тоже. Если бы можно было закрыть глаза и проспять эти пару часов в полумраке, он бы с удовольствием воспользовался такой возможностью. Но выслушивать потом сдержанное осуждение Веры тоже не хотелось. Несколько минут он смотрел на сцену, скрытую алым занавесом, и думал о том, что этак занавесом он и сам отгородился от жены, от воспоминаний, от жизни. Занавесом была работа. Единственное, что все еще его интересовало.

После третьего звонка свет в зале померк. Пьеса начиналась с небольшой увертюры в странном новом стиле джаз. Уже одно это шокировало публику. И одно это все ту же публику привлекало. После поднимался занавес, открывая декорации, и начинался сам спектакль.

Некоторое время он тупо смотрел на сцену, пытаясь следить за сюжетом. Но мысли кружились вокруг чего-то пульсирующего и горячего в глубине сознания. Звенели, жужжали, вибрировали, будто наэлектризованные. Его охватило странное напряжение, которому не было имени. Он, черт подери, никак не мог понять, что с ним происходит. До той поры, покуда это самое звенящее в самой сердцевине не замерло. На пятой минуте спектакля на сцену вышла актриса, исполнявшая главную роль — молодой женщины из высшего общества, мечущейся между долгом и любовью в вечном сюжете, прочитанном по-новому. В этот момент звон прекратился. Все стало на свои места. Николай выдохнул и стал следить за актрисой, смутно ему напомиравшей то, что в нем не болело, погребенное в глубине души.

Но при этом все еще живое.

Ему откуда-то знаком был ее голос, ее поворот головы, ее порывистые движения... Лицо было довольно далеко, чтобы разглядеть его хорошенько. Но вместе с тем... это не могла быть она. Откуда ей взяться здесь спустя столько лет? Цвет волос с толку не сбивал. Наоборот. Возвращал к действительности. Он помнил выкрашенную перекисью водорода изящную кошечку, которая весьма жизнерадостно выпускала коготки. Эта женщина на кошку не походила. Темный цвет волос с рыжинкой был естественным. И она была... настоящей, даже играя роль. Та, другая, настоящей быть не могла, потому что не умела, у нее вся жизнь была ролью. Но, кажется, впервые за долгие годы он позволил себе хоть немного прикоснуться к прошлому. Это причиняло боль и все же... давало надежду на исцеление.

Первый акт он досматривал почти с удовольствием. В антракте Вера принесла откуда-то программку. Он скользнул глазами по бумаге и улыбнулся. У актрисы и имя было похожее. Клара Вилсон. Ту... из его молодости... звали Клэр. Клэр дю Вириль. Вот и все сходство.

В зал на второй акт Николай возвращался уже успокоившимся. Уже не верящим в то, что такое совпадение возможно. До единственного мгновения, когда сомнений не осталось.

Актриса подняла подбородок и спокойно в звенящей тишине замершего зала произнесла:

— Прощай, Жорж.

Николай вздрогнул и сглотнул. Это была она. Его Клэр.

В этот самый момент он уже не видел ни зала, ни людей в нем. Он видел только ее. Не было его собственной жизни, бестолковой, бессмысленной... Была только освещенная сцена, где стояла худенькая женщина с осанкой королевы. И жила свою роль.

Потом он всё куда-то торопился. Зачем-то суетился и молился лишь о том, чтобы это не слишком бросалось в глаза. Наплел что-то Вере про необходимость среди ночи встретиться с сэром Гардинером для обсуждения его труда по египетской грамматике. Усадив жену в такси, он остался возле выхода из театра. Нервно курил сигарету за сигаретой, глядя, как один за другим здание покидают актеры труппы. Он ждал. Ждал и сам не знал, чего ждет и зачем.

Для него потеряло всякий смысл все прочее. Он вдыхал и выдыхал табачный дым, вглядываясь в свет фонарей, оттеняющих мелкую морось. Он даже успел подумать о том, как отвратительна зима в Лондоне.

А потом снова увидел ее. Она шла к только что подъехавшей машине в ослепительно белом и ужасающе непрактичном мантио и изящной шляпке под руку с высоким мужчиной несколько старше ее, что бросалось в глаза. Верно... в конце он вместе с актерами выходил на поклон.

«Режиссер...» — запоздало сообразил Николай, глядя на них. Они были будто созданы друг для друга и казались сошедшими со страниц журнала для высшего света. Перед тем, как устроить Клэр в машине, мужчина поцеловал ей руку, она что-то ответила ему. И оба они рассмеялись. Потом она скрылась за дверцей. Он сел за руль. Николай снова затянулся сигаретой, и, когда выдохнул, авто было уже довольно далеко. Что ж, в самом деле, отчего бы не выдохнуть? Теперь, когда черная ткань, охранявшая его от прошлого, была сметена ко всем чертям.

21 декабря 1925 года, Лондон

Тупая боль раздирала висок. От этого ноющего сверления Клара проснулась и поморщилась. Потерла пульсирующие точки — средоточие ее мучений, но легче не стало. Это все потому, что она была жутко недовольна своей вчерашней игрой. А после никак не могла заснуть, ворочаясь с боку на бок. Что терзало ее, она и сама не знала. Генри сказал, что получилось сносно. Публика аплодировала так же, как всегда. Но она была совершенно уверена: вчера что-то пошло иначе, чем обычно.

Спустившись к завтраку, Клара обнаружила, что муж дома. Как правило, если в театре не было утренних репетиций, Генри уезжал в клуб, и она с удовольствием посвящала это время себе: принимала парикмахера, массажистку, читала или просто недолго бездельничала. В ее сложившейся устроенной жизни, когда в личном они с мужем не мешали друг другу, ей особенно не хватало сына. Ноэль уже три года учился в Бедфорде и приезжал только на каникулы. Клара скучала. И порой, бросив все, срывалась на несколько дней к нему. Генри сердился, ворчал, как сложно заменять спектакли, просил, чтобы она хотя бы предупреждала о своих отъездах. Она обещала. Но проходило время, и все повторялось. В прошлый раз Клара видела мальчика несколько недель назад, и ей казалось, что прошла целая вечность.

— Доброе утро! — сказала она газете, за которой сидел муж, и заняла свое место на другом конце длинного стола.

— Доброе утро, дорогая, — ответил Генри, не отрываясь от чтения. Так, что было очевидно — отвечал механически и даже толком ее не слышал. — Этот так называемый Советский Союз заключил оборонительный союз с Турцией. Они нашли друг друга.

— Они нашли друг друга, — эхом отозвалась Клара, задумчиво жуя лист салата.

Советский Союз... страна, появившаяся на руинах другой страны и судеб многих людей. Впрочем, все люди ее не интересовали. Года три назад появилась возможность узнать о единственном человеке, судьба которого могла что-то значить для нее. В то время у миссис Уилсон был поклонник, член Королевского Исторического общества. Хотя Клэр могла что-то и напутать. Но задать интересующий ее вопрос она так и не решилась, опасаясь любого ответа. Она просто не знала, что стала бы делать дальше. Оставить все, как есть, оказалось проще.

— Ты не поехал сегодня в клуб? — заговорила она о другом.

— Не поехал, — кивнул Генри, и его лицо показалось из-за газеты. Он был все еще интересным мужчиной, хотя и гораздо старше ее. Идеально выбрит, одет так, будто собирается из дому. Улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами. Так, как улыбаются со сцены. — Погода ужасная, ноет колено. Перестань жевать траву. От тебя скоро одни кости останутся. Кто вместо тебя Берту сыграет?

— Я не собираюсь из-за одной роли портить фигуру. Потому что иначе мне придется прекратить карьеру, а я к этому совершенно не готова, — ответила она, продолжая жевать теперь уже тертую морковь.

— Дорогая, ты — самая красивая женщина в Лондоне, — отмахнулся Генри. — Тебе это хорошо известно. Иногда мне кажется, что слишком хорошо.

— Тебе не менее хорошо известно, чего мне это стоит. И все же твое колено... Может,

следует показаться доктору Вуду?

— Так не терпится поскорее от меня избавиться?

Как и многие стареющие актеры, исполнявшие в прошлом роли героев-любовников ввиду своей замечательной наружности, Генри Уилсон весьма остро переживал закономерные изменения, и каждая следующая цифра в собственном возрасте повергала его в уныние. Тем более это было болезненно, что женат он был на женщине, годившейся ему в дочери.

— Ты говоришь глупости и прекрасно об этом знаешь, — устало сказала Клара. В виске опять засверлило. — Что, по-твоему, я стану делать, избавившись от тебя?

— Разумеется, делать тебе станет нечего, любовь моя. Актриса ты неплохая, но не более, — проворчал Генри. Снова отгородился от нее газетой и продолжил вслух, даже не изменив тона: — Греция согласилась выплатить наложенный на нее Лигой Наций штраф за военный инцидент с Болгарией.

— Я сегодня опоздаю на репетицию. У меня назначена примерка, — бросила она газете и, дожевывая салат из сельдерея, вышла из столовой.

В костюмерной мастерской Клара провела гораздо больше времени, чем рассчитывала. Молодая портниха ошиблась, и теперь приходилось на ходу подгонять платье, которое было нужно к завтрашнему спектаклю. Они играли старую пьесу, идущую уже не первый сезон, но Генри почему-то вдруг решил обновить костюмы. При этом кардинально изменив их стиль. Кларе очень нравилось платье, которое он выбрал для нее. Оно шло ей, подчеркивая идеальную фигуру. Тем более сегодня она негодовала, как можно было все испортить.

— Я расскажу мистеру Уилсону, что мне приходится тратить драгоценное время из-за оплошностей ваших портних, — возмущенно говорила она в кабинете управляющего. — Если это еще раз повторится, мы откажемся от ваших услуг. В конце концов, вы не единственная мастерская в Лондоне.

Репетиция уже была в самом разгаре, когда Клара, наконец, попала в театр. В примерной ей было слышно, как в зале громыхал Генри. Наверняка репетиция проходила неудачно. Значит, сейчас он и ей спуску не даст. В таком настроении он всегда гонял ее до седьмого пота. Что было просто неизбежно в тяжелом парчовом платье времен королевы Елизаветы. Неудобные обручи юбки, жесткий корсет, огромный парик.

Через несколько часов изнуряющей репетиции она могла мечтать только о ванной и любом уголке, где можно было бы склонить голову. Наконец, Генри смилостивился и объявил об окончании пытки. На негнущихся ногах Клара доплелась до примерной, открыла дверь и, едва не открыв рот от удивления, привалилась к стене.

— Здравствуйте, миссис Уилсон, — донеслось до нее непривычно по-английски.

— Здравствуйте, мистер Авершин, — ровным чужим голосом ответила Клара.

Она сумела оторваться от своей внезапной опоры и прошла к стулу. Аккуратно сняла перед зеркалом парик, отправив его на подставку. Потом сбросила туфли, которые после долгого времени казались ей испанскими сапогами. Чуть распустила шнуровку лифа. И, наконец, снова посмотрела на Николая.

— Весьма неожиданный визит.

— Да, неожиданный, — проговорил он, сложив руки на груди. Вышел из своего угла, но, так и не приблизившись, занял стул чуть в стороне. — Я хотел увидеть вас вблизи и убедиться, что это вы.

— Что ж, вы увидели и убедились.

— Убедился. Мне уходить?

Клара из последних сил не позволяла себе воскрешать воспоминания, нахлынувшие, едва она увидела его в своей примерной. К чему теперь ворошить прошлое, которое давно оставлено позади? Ей нечаянно повезло. Теперь она знает, что он выбрался из кошмара своей страны. И этого довольно. Но не сдержалась, задав вопрос, на который вряд ли имела право:

— Вы теперь в Лондоне?

— В Лондоне, — он кивнул и чуть заметно улыбнулся, хотя видимое напряжение его не оставляло. — Меня пригласили читать лекции в Университетском колледже Лондона. Я живу в Париже. Здесь до Рождества, потом вернусь назад. Я увидел вас вчера во время спектакля... Не удержался. А вы? Как вы живете?

— У меня все благополучно, — ответила Клэр, надеясь, что прозвучало не слишком уныло. — Я добилась всего, о чем мечтала. У меня профессия, которой я живу, муж, сын.

«У него, наверное, тоже семья. Где они сейчас, здесь с ним или ждут в Париже?» — тоскливо подумала она, но вслух сказала:

— Я рада, что сейчас вы здесь, а не там... и по-прежнему занимаетесь любимым делом.

— Чем же мне еще заниматься? — усмехнулся он. — Не так уж велик у меня выбор.

На несколько мгновений Николай задержал взгляд на ее лице и потом, совсем по-настоящему улыбнувшись, сказал:

— Цвет волос... Так лучше.

— Вам нравится. Мне приятно.

Клара помолчала. Когда-то давно она сама сделала все, чтобы они с Николаем стали чужими. Теперь светский разговор исчерпан, а то, о чем ей хочется с ним говорить, запрещено.

— Вам, наверное, пора. Вас ждут?

— Лекции на сегодня я отчитал, — коротко бросил он. — Впрочем, ждут, вероятно, вас. В таком случае, всего доброго, Клэр.

Он резко встал со стула, чуть поклонился и снова замер, глядя на нее. Будто ожидая, что она подаст ему руку. В конце концов, у нее не было причин, чтобы не делать этого.

— И вам всего хорошего, мистер Авершин, — ответила Клара и отвернулась к зеркалу. Надо было снять грим. Потом позвать Милдред, чтобы та помогла ей снять это проклятое платье, в котором нечем было дышать.

Он снова усмехнулся. Мимолетно, почти незаметно — так и не дождавшись ее руки. А затем быстро вышел прочь. Спустился по лестнице и покинул здание театра со служебного входа.

Он так и не знал, зачем искал теперь возможности встретиться с ней. Просто отдавал себе отчет, что это неизбежно. Что должен увидеть ее и сказать ей хоть несколько слов — черт его знает, о чем и для чего. Так и не сказав главного.

Господи... Сколько лет! Сколько проклятых лет прошло с тех пор! Как они оба изменились! О чем им говорить? И если он, как в воздухе, нуждался в эту самую минуту в простом присутствии возле нее... Она сама выставила его прочь — изящно и этак... светски.

На улице была все та же морось, что и накануне. Он стоял несколько минут у здания, снова курил — он так много курил в последние дни. Потом поймал такси и отправился в гостиницу, надеясь, что Вера снова бродит в каком-нибудь музее. Расплачиваясь с таксистом, он открыл маленький кармашек бумажника и вынул оттуда невзрачный

медальон-камэ из черненого серебра с женской головкой, вырезанной на слоновой кости. Повертел его в руках и вернул на место.

Отвернулся к окну.

Частые капли воды ползли по стеклу, скрадывая дорогу, улицы, людей. Появлялись новые. И так же сливали все в единое, бесформенное, влажное и не имевшее названия. Если бы они могли смыть память...

Клэр не замечала дождя, громко стучавшего по подоконнику. Она пристально смотрела на свое отражение и понимала, что платье здесь ни при чем. Визит Николая заставил ее задыхаться. И воспоминания, долго сдерживаемые ею, прорвавшись наружу, ничуть не улучшали ее состояния. Пятнадцать лет жизни, той самой, к которой она так стремилась — яркой, полной, настоящей — теперь были перечеркнуты несколькими днями из жизни прошлой. Днями столь необычными, что порой казались ей придуманными. Днями, которые она заставляла себя забыть, но, тем не менее, всегда помнила.

Декабрь 1910 года, Москва

Отряхивая шапку от снега, валившего вторые сутки, он почти вбежал в гостиницу и, оглядываясь по сторонам, увидел метрдотеля, руководившего установкой большой елки в передней. Оживление, царившее вокруг, невольно передавалось и ему. Если бы только, черт подери, так отчаянно не хотелось спать! Впрочем, он бы в любом случае не выспался. Даже коли б ночь прошла спокойно, он писал бы статью по египетской письменности в «Знание для всех». Но ночь была совершенно неспокойной! Ни сна, ни статьи.

— Милейший, — окликнул господин Авершин метрдотеля. Тот оглянулся и озадаченно посмотрел на молодого ученого-египтолога, занимавшего номер на третьем этаже гостиницы Национальная.

— Милейший, не считите за труд, — продолжал меж тем ученый, — я спать не могу. В соседних комнатах шумно. Уже которую ночь. Вы уж разберитесь, будьте любезны.

— Это в каком же смысле шумно? Буйствуют? — удивился метрдотель.

— Поют! — ответил Николай. — На французском.

И невольно рассмеялся — пели действительно уже три ночи подряд. Сначала подолгу распевались, потом начинались арии. Голос был средний, но в целом приятный. Но не во втором же часу ночи!

— Вот же! — с досадой бросил метрдотель. — Но вы уж не извольте беспокоиться, Ваше благородие! Все исправим-с!

— Очень на это рассчитываю, — отозвался Николай и, посмотрев на пушистую елку, которую наконец-то установили, снова улыбнулся. Отчаянно захотелось домой — в Петербург, в родительский дом, где на кухне хлопотала старая кухарка, а немка-экономка с поджатыми губами сдержанно поприветствовала бы его, но он знал бы наверняка, что в этом доме его ждала даже она, вечно хмурая и угрюмая. Эта последняя поездка в Каир затянулась на несколько месяцев. Несколько удивительных месяцев, по завершении которых он приехал в Москву для встречи со статским советником Борисом Александровичем Тураевым, одним из первопроходцев в истории Древнего Востока. В конце недели, посетив собрание египетских древностей Музея изящных искусств, он планировал возвращение домой. Домой! Но все-таки в эту неделю следовало хоть немного поспать!

В комнату с горящими глазами вбежала счастливая Жанна.

— Клэр! Пойдем скорее, — схватив подругу за руку, она потащила ее из номера. — В вестибюле ставят елку. Ты должна это увидеть. Она невероятно огромная. Где только они берут все такое... огромное, — щебетала она, спешно спускаясь по лестнице и буквально волоча Клэр за собой.

Они обе попали в Россию совершенно случайно. Одна из актрис каскадного плана заболела, а другая — сбежала с каким-то зуавом прямо накануне отъезда. Впрочем, Клэр дю Вириль всегда была везучей. Покинув без разрешения отчий дом на Джерси, бесшабашная девчонка, с детства мечтающая стать актрисой, не пропала бесследно на дорогах Франции, а благополучно добралась до Шербура, где, как она точно знала, была труппа некоего месье Бержерака, славившегося особенной страстью открывать таланты. И здесь ей повезло снова. Месье Бержерак принял ее.

Так началась карьера юной Клэр. Ей было тогда пятнадцать. Месье Бержерак кое-чему

ее научил, но, что было особенно важным, кое с кем познакомил. Уже через два года Клэр оказалась в Париже.

И теперь она, артистка Thaaatre des Bouffes-Parisiens, труппа которого приехала в Россию с гастрольным турне, стояла на нижней ступеньке парадной лестницы московской гостиницы и, приоткрыв от восхищения рот, наблюдала, как человек пятнадцать работников наряжают огромную елку.

— Мадемуазель дю Вириль, — донеслось до нее откуда-то сбоку. Акцент присутствовал, но был не настолько ужасающим, чтобы морщить носик. — Мадемуазель дю Вириль, у меня к вам вопрос конфиденциального характера.

По лестнице к ней спешил метрдотель, обмахивавшийся платком.

— В чем дело, месье? — удивленно спросила Клэр, отойдя от подруги.

— Постояльцы не могут спать. Говорят — в вашем номере поют! — растерянно, с трудом подбирая слова, проговорил метрдотель и развел руками.

— Это какие же постояльцы не могут спать? — пожав плечами, поинтересовалась мадемуазель.

— Из соседнего номера. Большой ученый, смею заметить. Вы уж потише, они все труды свои пишут.

— А! Месье из соседнего номера, — весело воскликнула Клэр. — Так он по другой причине ночами не спит. Он всегда возвращается к себе с раскрашенной девицей. Каждый вечер с новой, — доверительно прошептала она метрдотелю. — У них царит такой шум, что я всю ночь глаз сомкнуть не могу. А у меня по утрам репетиции! — жалобно добавила она.

У метрдотеля отвисла челюсть. А когда у него достало сил вернуть ее на место, он только выдохнул по-русски:

— Ядрена кочерьжка!

А потом забормотал извинения, сбиваясь с французского и не зная, куда деть глаза — какой пассаж! Желтобилетные! И в таком-то заведении!

Следующие два дня он усердно следил за тем, в котором часу и с кем является домой господин Авершин. Покуда не был пойман с поличным под дверью молодого ученого.

— Вы что-то позабыли, любезнейший? — поинтересовался Николай, распахнув дверь и обнаружив почтенного метрдотеля склонившимся в три погибели к замочной скважине.

— Нет, нет, Ваше благородие, — пробормотал тот, схватившись за поясницу, — спину ломит, скрутило.

И тут же отшатнувшись чуть в сторону, заглянул в комнату за спиной господина Авершина.

— И все-таки вы что-то ищете, — заметил ученый.

Метрдотель разогнулся и, наконец, приняв самое скорбное выражение лица, проговорил:

— Ваше благородие, я вынужден задать вам вопрос очень личного свойства...

Спустя две минуты бледный метрдотель мчался по лестнице вниз, в переднюю, чувствуя себя как-то по-новому, как не бывало раньше — по-дурацки. А уже вечером, в нетерпении потирая руки, он наблюдал, как господин ученый, направлявшийся из Британского клуба на втором этаже в ресторацию на цокольном, столкнулся в двери с госпожой актрисой, только недавно вернувшейся из театра и спешившей на ужин туда же.

Клэр уплетала уже третий десерт, который здесь великолепно приготавливали, запивая его горячим шоколадом, и радостно поглядывала по сторонам. День выдался тяжелым.

Репетиция, два спектакля. И хотя публика была в восторге, мадам Кора осталась недовольна. Около получаса, не давая труппе разойтись после вечернего выступления, она возмущенно вычитывала им обо всех неточностях, которые были допущены. Когда, наконец, они стали свободны, Жанна убежала на прогулку, сказав, что ей нужно развеяться. А Клэр решила найти успокоение души в сладостях.

— Сударыня, вы позволите пригласить вас...

Она удивленно взглянула на молодого господина, оказавшегося рядом и обращавшегося именно к ней.

— Простите, месье, я не говорю по-русски, — улыбнувшись, сказала она.

Он отчего-то растерялся. Наблюдал за ней по вечерам в ресторации вот уже несколько дней. А теперь растерялся. Сейчас, столкнувшись с этой прехорошенькой барышней на входе, он неожиданно решил, что именно в этот вечер обязательно предпримет хоть что-нибудь, чтобы, наконец, познакомиться. Она чаще всего бывала здесь с другой молодой особой, а он все удивлялся, отчего с ними не было никого старше, и отчего две девушки жили в гостинице в одиночестве. Впрочем, это решительно его не касалось.

— Я хотел пригласить вас на танец, — обратился он к ней уже на французском. — Здесь прекрасный оркестр.

— Давайте потанцуем, — легко согласилась Клэр. — Оркестр здесь, действительно, прекрасный.

В этот вечер все казалось легким. Настроение, которое было теперь совсем уже праздничным, музыка, доносившаяся со сцены, женщина в его руках. Теперь везде танцевали вальс-бостон. Она красиво вытягивала шею в изящном повороте головы так, что ему был виден ее полупрофиль. А он все думал, что бы сказать ей веселого, но придумать ничего не мог. Она казалась ненастоящей, как любимая куколка его младшей сестры, Зизи. Светлые золотистые локоны, убранные в высокую прическу, длинные темные ресницы, бледное лицо с румяными щечками, конечно, чуть подкрашенное. В его доме в жизни ни одна женщина не красилась! Впрочем, никто в его доме не ездил в Каир. От нее пахло анисом, а он так не любил анис, но вместе с тем именно сейчас был уверен, что ей это подходит. Любые другие духи были бы для нее слишком неестественны.

— Вам нравится Москва? — проговорил он, надеясь, что этот вопрос прозвучит уместно, но вместе с тем, желая говорить о чем-то совсем другом.

— Я ее почти не видела, — виновато улыбнулась Клэр, — ужасно холодно гулять. И столько снега!

Молчание с ним совсем не тяготило. Но и услышать его голос оказалось приятным, и было совершенно неважно, что именно он говорит. Хоть о Москве, хоть о лошадях. После десертов и вальса с умелым партнером прошедший день больше не казался таким безнадежно ужасным. Она повернула к нему голову и увидела близко от себя его глаза. Невероятно зеленого цвета. И к чему мужчине такие глаза!

— Меня зовут Клэр, — зачем-то сказала она.

— Николай Авершин. Магистр истории Императорского Санкт-Петербургского университета, — официально представился он. Слишком официально для этого танца и для этой женщины. Но вместе с тем он не умел делать ничего наполовину. Она ему нравилась. С первого взгляда, а теперь и с первого слова. И даже запах ее духов с ароматом аниса казался ему самым прекрасным на земле.

— О-ля-ля! — вырвалось у нее. — Впервые вижу живого магистра.

— Вам повезло. Любуйтесь, — подмигнул он ей. — А вы... Вы путешествуете? Одна?

Он едва не прикусил себе язык, думая о том, что таких вопросов задавать ей не следовало — это неприлично. А она любовалась. И даже если бы он не позволил, она бы все равно любовалась. О приличиях Клэр имела весьма размытые понятия.

— Не совсем путешествую и совсем не одна, — рассмеялась она. — У нашего театра гастроль в вашей стране.

— Театра? — он удивленно приподнял брови и едва не остушился. Актриса. Она актриса. Всего лишь актриса-француженка. Как же он сразу не догадался. Часть третьего этажа, где жил и он, занимала французская труппа. Его предупреждали, когда он только приехал, а он и позабыл совсем.

— Вот оно что... — растерянно пробормотал Николай по-русски и продолжил уже по-французски: — После Москвы вы возвращаетесь назад или едете дальше?

— У нас еще несколько спектаклей в Петербурге, месье магистр.

— Я бы с удовольствием посетил... если бы располагал временем, — медленно произнес он, а потом вдруг решился — к черту! — Впрочем, время найдется. Я, знаете ли, в конце недели еду в Петербург.

— Мы будем выступать в Аквариуме, — озорно сверкнула глазами Клэр.

— Я запомню. У меня довольно неплохая память, мадемуазель.

Он открыл, было, рот, чтобы еще что-то добавить, но в этот момент мелодия прервалась. И они оба замерли. Следовало взять ее за руку и отвести на место, как делали все вокруг, но он не чувствовал в себе сил отпустить ее. Надо же... актриса...

Наконец, взял ее ладонь, они вернулись к столику, он отодвинул стул, чтобы помочь ей сесть.

— Пожалуй, мне пора, — мягко сказал Николай. — Надеюсь, вы не откажете мне в просьбе поужинать завтра вместе?

Уж коли «дуэньи» при ней все равно не было.

— Не откажу, — улыбнулась она. Ей было немного жаль, что он уже уходит.

— В котором часу?

— Думаю, не раньше одиннадцати...

Прикинув, что в это самое время ему уже будет решительно нечем заняться, он решительно пообещал:

— Прекрасно, я буду ждать вас, мадемуазель.

Поклонился и пошел прочь из ресторации.

Клэр хлопнула ресницами и проводила его взглядом. Сегодня ей будет, что рассказать Жанне. И передумав заказывать еще один десерт, она поспешила за ключом.

В следующие десять минут метрдотель гостиницы Национальная наблюдал премилую сценку у конторки портье.

Сначала туда явился господин русский египтолог и попросил ключ от своего номера на третьем этаже. Потом туда же подошла мадемуазель французская актриса. И попросила свой ключ, когда историк не успел еще далеко отойти и прекрасно расслышал, что за номер она запросила.

Он резко обернулся и оглядел француженку. Потом посмотрел на ключ в своих руках. Молча вернулся к ней и показал номерок на ключе.

— Так это вы поете ночами, тогда как я вожу к себе женщин? — сдержанно спросил он.

— Могли бы сами сказать, что вам не нравится, как я пою. Вместо того, чтобы

жаловаться на меня метрдотелю, — фыркнула Клэр и, не оглядываясь, прошла к лифту.

Он сердито передернул плечами и наверх помчался по лестнице.

Их встречи возле дверей комнат метрдотель, к сожалению, так и не увидел.

Николай успел к тому моменту, когда она вставляла свой ключ в замочную скважину.

— Могли бы догадаться, что во втором часу ночи постояльцы могут пытаться уснуть! — теперь уже рассерженно рявкнул Николай.

— Так вы свои труды пишете во сне, месье магистр? Потому как метрдотель уверял меня, что по ночам вы работаете, — рассмеялась Клэр. — Уж лучше бы, право, водили женщин.

И прежде, чем скрыться в номере, добавила:

— Спокойной ночи! Обещаю, сегодня я не стану петь.

Она действительно не пела этой ночью. И последующие несколько ночей тоже.

В следующий вечер Николай Авершин вместо ресторации отправился спать пораньше, заказав ужин в свои комнаты. И до отъезда труппы в Петербург египтолог и актриса избегали друг друга.

22 декабря 1925 года, Лондон

«Сегодня в 12–30 я буду ждать вас на углу Poole St. и Imber St.»

Николай в очередной раз пробежал глазами записку, теперь уже всю измятую, и, пусть она не была подписана, вариантов авторства казалось не так много. Собственно, всего один. Ему принесли ее с посыльным во время диспута с сэром Аланом Хендерсоном Гардинером. И это сбило весь боевой настрой. Студенты, вероятно, были разочарованы. Сэр Гардинер — тоже.

Он сбежал безбожно рано, взял такси и отправился по указанному адресу в Ислингтон.

Теперь, стоя на этом самом чертовом углу, сжимал в руках записку и выкуривал уже вторую сигарету, думая, что еще две минуты, и он отправится домой. Странная и терзающая его мысль о том, зачем ей понадобилась встреча, билась в голове, а он все никак не мог унять ее.

Погода была отвратительной, по-прежнему сыпалась с неба мелкая морось. Он не любил зим во Франции. Английская зима была в разы хуже. Промозглая, сырая, пробиравшаяся под пальто и заставлявшая поеживаться. Авершин приподнял воротник, поправил рукава и... вдруг различил чуть выше по улице Клэр.

Она мчалась, совсем не глядя под ноги, но только впереди себя. И не замечала ошеломленных взглядов прохожих, мимо которых торопилась к назначенному месту. Этот район, где размещалось несколько киностудий, видел многое. Но даже для него она выглядела чрезмерно экзотично. Подол длинного белого манто заляпан уличной слякотью. Из-под распахивающихся пол заметно блестящее, похожее на чешую платье с высоким разрезом на юбке. На голове сооружена замысловатая прическа, из которой торчали совершенно невероятные перья.

Она опаздывала. И боялась, ужасно боялась, что он уйдет. Не дождетя. И это будет еще хуже, чем если бы он совсем не пришел.

Николай зачем-то зашагал ей навстречу, будто желая встретить на середине улицы. И остановился в нескольких шагах от нее под этой унылой моросью, разглядывая повлажневшие перья на ее голове. Он чувствовал, как по лицу расплзается улыбка. Если бы в этот момент он увидел ее впервые, пропал бы снова. И снова на всю жизнь. Только жизни теперь несравнимо меньше.

— А это что за роль? — спросил он.

— Не знаю, не помню, — она пыталась унять сбившееся дыхание. — Не все ли равно?

И стала судорожно выдергивать перья из прически.

Он протянул руку, перехватил ее запястье. Потом отпустил. Сунул ладонь в карман пальто. И сказал:

— Сегодня холодно. Пойдем куда-нибудь?

— Только не далеко. Мне надо будет вернуться, — она проводила взглядом его руку, исчезнувшую в кармане.

— Тогда побежали, — Николай кивнул через дорогу, где им было примечено маленькое кафе, и подставил ей локоть. — Ты, наверное, замерзла?

— Побежали, — отозвалась она и взяла его под руку.

В кафе никого не оказалось, кроме хозяина, занятого своим делом. Не снимая манто,

Клара села за столик у окна и негромко сказала:

— Спасибо, что пришел.

Он помолчал, снова рассматривая ее. Привыкая к ней теперь, спустя пятнадцать лет со времени их головокружительного романа. Когда она была свободна. Когда он умел мечтать.

— А как ты себе представляешь, чтобы я не пришел? — приподняв бровь, ответил он вопросом на вопрос. — Упустить возможность повидаться с тобой, пока я еще здесь? Я похож на непроходимого тупицу?

— Ты никогда не был тупицей, месье магистр, — усмехнулась она.

— Месье профессор, — с улыбкой поправил он ее. — Между войнами я успевал заниматься наукой.

— Ты воевал? — выдохнула она.

— Да.

Николай придвинул к себе пепельницу и снова достал сигареты. Она не любила запаха табака, но никогда раньше не возражала, когда он курил. Пятнадцать лет назад. Потом жестом подозвал к себе официанта и попросил меню. Его короткое «да» не позволило ей задать следующий вопрос. Словно она всегда знала, что он не станет об этом говорить. И отвернулась к окну.

— Кофе? — скорее утвердил он, чем спросил. — К кофе что-нибудь?

— Я не ем сладкого, — отказалась Клара.

— С каких это пор? — хохотнул Николай. — Помнится, Клэр дю Вириль была редкостной сластенной.

— Некоторые вещи меняются, — она повернулась к нему.

И вдруг заметила седину, тронувшую его волосы. Морщинки вокруг глаз и вдоль лба. И глаза. Они стали другими. Не такими, какими она помнила их все эти пятнадцать лет. Какими она видела их все эти пятнадцать лет.

— Изменения — это решительно нормально. Как бы больно ни было это признавать, — к ним снова подошел официант, и Николай, не отводя взгляда от Клэр, четко произнес: — Два черных кофе и две порции блинчиков с шоколадом, пожалуйста.

Она слабо улыбнулась.

— Ты, наверное, думаешь, зачем я тебя позвала?

— Думаю? Ты мне льстишь. Однажды я очень хорошо усвоил, что там, где дело касается одной французской актрисы, я теряю эту способность.

Он откинулся на спинку стула и затянулся сигаретой. Потом неторопливо струсил пепел в пепельницу и добавил уже серьезно:

— Я не знаю, зачем ты меня позвала. Но отчего-то мне это показалось закономерным. И да, мне хотелось бы узнать, что тебя подвигло написать эту записку.

Клара улыбнулась своей самой восхитительной улыбкой. Генри прав. Она не более, чем неплохая актриса, которая часто путает жизнь и сцену. И путает других.

— А я и сама не знаю. Утром я встала с мыслью, что хочу увидеть тебя. Вчера мне показалось, что я должна попросить у тебя прощения. Тогда, пятнадцать лет назад, ты, вероятно, все принял слишком близко к сердцу. Глупая французская актриса ввела тебя в заблуждение. Прости меня, это вышло невольно.

Если бы можно было улыбнуться еще ослепительнее, она бы это сделала, в то время как с бóльшим удовольствием закатила бы сейчас истерику. Кому? Себе самой. Потому что злится она на себя, а бьет его.

Им принесли кофе. Она некоторое время смотрела на черную ароматную жидкость, и снова подняла глаза на Николая.

— Знаешь, Ноэль увлекается историей.

— Ноэль — это?.. — медленно, растягивая слова, спросил он, совсем не думая о том, что она говорила, но глядя на ее улыбку.

— Мой сын. А у тебя? Есть дети?

— Не сложилось. Да и, наверное, это к лучшему. Сколько твоему Ноэлю сейчас?

— Он еще совсем мальчишка, чтобы быть уверенным в своих увлечениях. Хотя и уверяет меня, что у него все серьезно, — она улыбнулась, подумав, что сын должен приехать на Рождество.

— О том, чем я хочу заниматься, я знал с семи лет. И меня тоже уверяли, что это несерьезно, — он снова помолчал. Отпил кофе из чашки. А потом добавил как-то спокойно и отстраненно одновременно: — Теперь, когда прошло столько времени... Это хорошо, что все так сложилось... Что бы ты стала делать, когда у нас началось... А так у тебя... жизнь.

— Ты же что-то делал? Или я совсем безнадежна, по-твоему? — беззаботно рассмеялась она.

— Я? — засмеялся и он в ответ. — По большей части рефлексировал. Может быть, у тебя бы хватило ума на что-то более полезное.

— Вряд ли я способна на что-то полезное. Поэтому, пожалуй, ты прав. Хорошо, что все так сложилось. И тебе не пришлось озадачиваться еще и мной.

Отвечать ей, что он был бы счастлив озадачиться ею, было невыносимо. Потому лишь снова отпил кофе. Им принесли блины, и он уверенно придвинул одну из тарелок к ней.

— Ну же, — хитро прищурившись, проговорил Николай, — от одного раза катастрофы не будет.

Неуверенно отрезав кусочек блина, Клара отправила его в рот и сердито сказала, глядя прямо на него:

— Даже от одного раза может случиться непоправимая катастрофа.

— Ну, нельзя же отказывать себе в удовольствии постоянно. Ешь. Я совсем забыл тебе сказать. Ты очень красивая. Кажется, стала еще лучше, чем была.

— К сожалению, можно, — она отодвинула от себя тарелку и поднялась. — Мне пора возвращаться.

— Ты теперь играешь в кино? — он вскочил вслед за ней и быстро бросил на стол несколько банкнот. — Это недалеко?

— Недалеко, — удивилась она.

— Видишь ли, вторая половина дня у меня совершенно свободна, и, если это будет удобно, мне бы хотелось хоть раз в жизни побывать на киностудии.

— Это удобно. Это очень удобно! — ее голос чуть дрогнул. — Съемка может затянуться, но у меня сегодня нет спектакля.

— У меня тоже сегодня нет спектакля, а сидеть в гостинице не представляется заманчивой перспективой. Так что пусть затягивается.

С этими словами он взял ее под руку, и они отправились на Gainsborough Studios, где проходила съемка. Это была какая-то трагедия о любви. Немного дурацкая, на гротеске, где всего было чересчур. Особенно крупных планов главной героини. Клара мучилась, замирая со страдающим выражением лица, когда оператор снимал ее «терзания». Судя по содержанию ленты, премьера должна была пройти на ура.

Николай стоял чуть поодаль, наблюдая процесс съемки. И думал. Думал о том, насколько далека теперь ее вот такая жизнь, где она загружена этой работой, любимой, но вроде как бутафорской, от его жизни. И той, прошлой, и нынешней. Он снова вспоминал — позволил себе невероятную роскошь — вспоминать.

Когда они расстались, первые два дня прошли для него в том привычном распорядке, когда ничего не трогало его, и он даже не думал о ней. На третий день он заперся в своей квартире и напился до той степени, когда уже не помнил себя. Он никогда не пил, но вот тогда сорвался. В пропасть. Стало легче. Он снова начал испытывать боль. Потом и боль перестал замечать — просто жил, зная, что где-то там внутри она тоже все еще живет. И что, вероятно, будет жить всегда. Нет, Клэр не за что было извиняться. Все был он сам. Она ничего не смогла бы изменить. После нее он заводил короткие интрижки, но ни одна из них не уменьшала боли, и ни одна из них не имела шансов стать чем-то более серьезным. Потом появилась Вера. Точнее, Вера была всегда, но в тот момент жизни она оказалась ему нужна — он даже думал, что теперь снова умеет любить. Они поженились в пятнадцатом, во время его короткого отпуска. За ту неделю он сделал две важные вещи — объяснился с Верой и написал статью о систематизации сведений по египетской грамматике в «Знание». Спустя три года эту же статью русского профессора-египтолога перепечатывали в Берлине. Смешно.

Спустя еще пару лет он перестал вспоминать. Перестал заглядывать в себя, где продолжала жить боль. И даже перестал нуждаться в Вере. Просто потому что, так и не научившись любить кого-то еще, он разучился чувствовать. Жил механически. Единственное, что еще оставалось — работа. Пожалуй, и все.

Николай улыбался, глядя на Клэр, и думал теперь о том, что, наверное, если бы можно было вернуть все назад... он бы отдал всю оставшуюся жизнь за те несколько дней в прошлом. Потому что именно то и было жизнью. Все прочее он потерял. Все прочее не имело ценности.

Наконец, Клара приняла человеческий облик: платье, прическа, почти без макияжа лицо. И только плохо отмытые пятна грязи на мантии напоминали о ее безумном беге за прошлым. Она знала, что сходит с ума, но ей нравилось ее сумасшествие. Некоторое время она наблюдала за Николаем, который теперь, когда все закончилось, курил в стороне и заметно скучал. И на какое-то мгновение ей показалось, что не было этих пятнадцати лет. И она снова глупая французская девчонка, безоглядно влюбившаяся в серьезного и очень умного русского. Интересно, как бы все могло сложиться, если бы тогда она не решила все за двоих?

— О чем думаешь? — она подошла к Авершину и взяла его под руку.

— О тебе. Тебе, кажется, твоя жизнь очень нравится.

— А тебе твоя жизнь нравится? — она повела его к выходу из павильона.

Он медленно растянул губы в улыбку и ответил:

— Не знаю. Об этом я тоже не думаю. Она довольно насыщенная. К лету собирав группу для поездки в Каир. До того времени работы хватит.

— Я думаю, что мне моя жизнь нравится. У меня все есть: сын, работа, муж. Но, кажется, я это уже говорила, — рассмеялась Клара.

— Говорила, — согласно кивнул Николай. — Я рад, что ты счастлива. Я бы с удовольствием пригласил вас с мужем к нам как-нибудь... В конце концов, мы ведь старые друзья, верно?

И тут же пожалел о своих словах — они, черт подери, кто угодно, но не друзья.

— Ты не обидишься, если я не приму твоего приглашения? — она остановилась и стала что-то сосредоточенно искать в своей сумочке.

Он долго-долго смотрел, как она роется, осмысливая ее слова. Ведь именно такого ответа он ждал и хотел.

— Не обижусь. Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. Может быть, это именно та причина, по которой я не запер тебя в своей квартире.

— А я тебя совсем не знаю, — медленно проговорила Клара, захлопнула сумочку и, крепко сжав его пальцы, прошептала: — Подари мне сегодняшний вечер. Давай сбежим.

Он бы рад был сказать, что ей принадлежит его жизнь. Всегда принадлежала. Но знал, что не скажет этого. Потому что обоим было бы слишком больно. И есть ли смысл отравлять этот удивительный день горечью воспоминаний?

— Давай сбежим, — с улыбкой ответил он, пожав ее пальцы в ответ.

Они бродили улицами города до самого вечера. Как когда-то давно гуляли по предрождественскому Петербургу. До тех пор, покуда не начали болеть ноги. Странно, но, кажется, впервые за время его пребывания в Лондоне прекратился дождь, и дороги слегка прихватило морозом. Чувствуя ее руку сквозь ткань перчатки и пальто, он не мог отделаться от мысли, что сам теперь не знает, чего ждет и чего ищет — то ли свою молодость, то ли самого себя. Они мало говорили, а если заговаривали, то о чем-то отстраненном и веселом. Но самого главного он так ей и не сказал.

Они добрались до безвестного магазинчика с яркой витриной. И он зачем-то потащил ее туда. Внутри было светло, уютно. Продавались игрушки и рождественские сувениры. Николай сам не знал, что искал в этом проклятом магазине. А когда нашел, улыбнулся, чувствуя, что в груди потеплело. На одной из полок стоял хрустальный глобус удивительной красоты. Небольшой, он помещался на ладони. И переливался на свету всеми цветами, доступными зрению.

— Тебе нравится? — спросил он Клэр.

Она смотрела на искрящийся в его руках глобус и чувствовала, как внутри нее все закипает от злости. Этот шар словно насмеялся над ней. Ей казалось, что это жизнь, от которой она бежала, которая могла быть такой разноцветной и красивой, и которая навсегда осталась в руках Николя. Она сдержала желание выхватить у него этот кусок проклятого стекла и разбить на мелкие осколки. В такие же осколки сейчас превращалась ее собственная жизнь.

— Нет, — равнодушно бросила она. — Я не люблю подобные безделушки. Не понимаю, что в них находят.

Он отставил глобус на место и внимательным изучающим взглядом заскользил по лицу Клэр.

— Поищем что-нибудь еще, — тихо сказал он. — Если не найдем здесь, я поищу в Париже, потом в Каире. И, может быть, найду. Потом я отправлю тебе это посылкой и спрошу в письме, нравится ли. Если понравится, ты ничего не ответишь, но оставишь у себя. Если нет, то отправишь назад. И я начну поиски сначала. Идет?

— Не надо. Я прошу тебя, не надо этого делать. С напоминанием о тебе не так легко жить, как может показаться.

— Я знаю, — пытаюсь перевести дыхание, ответил он, схватил ее за руку и быстро пошел прочь из магазинчика.

Там, на улице, дышать стало чуточку легче. Он который уже раз за этот день полез в

карман за сигаретами. Чиркнул спичкой и закурил. Тут же спохватился:

— Прости, я не предложил... Сейчас женщины выучились курить...

Клара усмехнулась и отрицательно покачала головой. Смотрела, как его сигарета разгоралась ярким огоньком, который потом начинал тускнеть, чтобы через секунду снова разгореться. И молчала. Потому что точно знала, если она заговорит, то уже через минуту разрыдается.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А Вера курит, — с усталой улыбкой пробормотал он. — Иногда, когда нервничает. Научилась, когда мою сестру убили у нее на глазах. Да... Вера — моя жена.

— Вера — твоя жена, — повторила она за ним. — Она здесь, с тобой?

— Жена ученого, — усмехнулся Николай.

— Как это скучно, не иметь собственной жизни!

— Может быть.

Он не стал говорить ей того, что еще хуже — не иметь, за что в этой жизни зацепиться, чтобы жить. В этом смысле Вере, определенно, было легче. Ему — хоть на стену лезь. Он физически ощущал, как глыбой между ними стали эти пятнадцать лет. Его жена. Ее семья. И Ла-Манш теперь представлялся шире, чем прежде расстояние от Петербурга до Парижа.

— Наверное, тебе пора домой. Тебя ждут.

— Да, мне пора домой, — глухо ответила Клара.

Сегодняшняя прогулка оказалась глупой затеей. Впрочем, как и все ее затеи. Прошло слишком много лет, чтобы от них можно было убежать.

— Я был рад тебя видеть, Клэр. Надо же... Ведь и не думал, что когда-то придется...

Она заметила проезжающее мимо такси и взмахнула рукой. Сев в машину, Клара повернулась к Николаю:

— Я тоже была рада тебя видеть. Спасибо за этот день, — она улыбнулась на прощанье и хлопнула дверцей.

Он неторопливо докурил, потушил сигарету и медленно направился пешком просто по улице, не особенно соображая, в какой стороне находится гостиница. Его неотвязно преследовала единственная мысль — что было бы, если бы он сказал ей, что все еще любит. Скорее всего, ничего. Она точно так же села бы в такси и уехала. Только, может быть, торопилась бы еще больше. Слишком поздно. Пора домой.

Декабрь 1910 года, Петербург

— Какая, говоришь, труппа? — изумленно глядя на Верочку, спросил Николай и чуть закашлялся. Он был слегка простужен второй уже день, но упорно не желал этого признавать. В тот вечер был уговор в театр. При полном параде он явился в дом к Ветровым, где его уже ожидала Вера. Вера теперь сама была студенткой юридического факультета, летом должна была держать экзамены для получения диплома первой степени и считала себя очень современной девушкой. Спектакль выбирала сама. Теперь же, услышав, что она выбрала, Николай не поверил своим ушам.

— *Thaatre des Bouffes-Parisiens*. Они выступали в Москве. Теперь в Петербурге. Всего несколько представлений.

«Вот же угораздило!» — мысленно выругался Николай.

— И ты так уж уверена, что нам туда нужно?

— Конечно. Образованный человек должен быть развит многосторонне, — назидательно сказала Верочка.

— Только той и радости, что французское, — пробурчал он, нахлобучивая на голову шапку. — В следующий раз пойдем, куда я захочу!

Собственно, теперь он планировал довольно долго оставаться в Петербурге. Весной лишь надеялся на поездку в Берлин для встречи с Адольфом Эрманом и посещения египетского музея.

Увеселительный сад Аквариум с новым зимним театром на Каменноостровском проспекте был полон. Привезенная оперетта шла уже второй раз, и теперь, кажется, здесь собралась половина города. Уж никак не меньше. Разыскав свой столик, который был достаточно близко, чтобы Николай мог разглядеть одну-единственную интересовавшую его, но при этом ужасно неприятную особу, они устроились за ним, и он не счел ничего более разумным, чем немедленно заказать вина и десерт для Верочки.

Первые двадцать минут спектакля Авершин откровенно скучал, будучи равнодушным к опереттам. На двадцать второй минуте появился дуэт из двух танцующих и поющих подружек главной героини, склоняющих ее к подвигам, едва ли внушающим доверие. Одна из девиц, особенно старательная, была узнана им сразу. И вот здесь-то и проснулся его живейший интерес к постановке. Но он ограничился пятью минутами в первом отделении. Второй раз интерес напомнил о себе только во втором. Дуэт его открывал. Третий раз он увидел теперь уже определенно свою любимую певицу в финале в общем хоре.

— Поезжай одна, у меня еще дела в городе, надо к приятелю зайти, — премило улыбаясь, заявил он Верочке, усаживая ее в экипаж спустя еще пятнадцать минут у выхода из сада.

Кутаясь в короткую шубку, Клэр прижимала к горлу руки в муфте, которую купила в Москве на следующий же день по приезду. То, что в Париже было лишь модной деталью, здесь оказалось необходимостью. Быстрым шагом она направлялась к выходу из сада, мечтая только о том, чтобы найти свободный экипаж и поскорее добраться до гостиницы. В Петербурге погода была еще более отвратительной, чем в Москве, и Клэр считала часы до возвращения домой, уже не понимая, таким ли везением была ее поездка в Россию.

— Вы задолжали мне ужин, мадемуазель, — донеслось до нее в темноте.

Клэр ойкнула, выскочила за ворота и, не оглядываясь, пошла еще быстрее вдоль проспекта. Ругая себя, что не осталась подождать кого-нибудь из девушек.

— Клэр, — окликнул ее тот же голос, и следом раздались скрипящие по снегу шаги. — Клэр, подождите!

Через минуту она оказалась лицом к лицу с месье магистром, преградившим ей дорогу.

— Вы? — от неожиданности она отшатнулась, но скоро придя в себя, возмутилась: — Вы напугали меня, месье!

Попыталась его обойти, чтобы продолжить свой путь, но он чуть отступив, снова помешал ей пройти.

— Слушайте, ну неужели, в самом деле, вы совсем не хотите есть?

— Вы наконец-то проголодались с прошлой недели, месье магистр? — спросила она насмешливо.

— Откровенно говоря, не особенно. Но согласитесь, мы с вами оба хороши.

Клэр пожала плечами.

— Сначала вам не понравилось мое пение. Вы пожаловались на меня метрдотелю. Потом вам не понравилась моя шутка. Вы накричали на меня. В то время, как у меня к вам претензий не было.

— Вы пели посреди ночи, из-за вас я по сей день не завершил статью, — засмеялся он. — Как только возвращаюсь к ней, сразу вспоминаю вас. Это во-первых. Во-вторых, вы меня оговорили. За мной метрдотель несколько дней по пятам ходил. Я чувствовал себя каким-то мошенником, покуда не узнал, в чем дело обстояло. Ну и в-третьих... Сегодня я расслышал — вы замечательно поете. Спектакль стоило смотреть только ради вас.

— Все вы врете! Я сегодня отвратительно пела. Потому что у меня болит горло.

— Тогда отчего мы здесь с вами стоим?

— Оттого что вы не даете мне пройти! — Клэр мерзла все сильнее и начинала сердиться.

Николай решительно сделал шаг в сторону и подставил ей локоть.

— Я, кстати, тоже немного простужен, — проговорил он. — Идемте, найду экипаж.

Неожиданно для себя самой, она послушно взяла его под руку и пошла рядом с ним.

За поворотом, будто нарочно для них, стояли пустующие извозчичьи сани. Николай помог ей сесть и, устроившись сам, бросил извозчику:

— Гони на Васильевский остров. Да поживее, голубчик, поживее, видишь, барышня замерзла.

Потом он посмотрел на нее долгим взглядом и, наконец, добавил по-французски:

— Я знаю, где можно выпить самого вкусного на свете чаю.

Самый вкусный на свете чай заваривала кухарка Зинаида Ильинична, безраздельно правившая на его кухне в квартире на семнадцатой линии, которую он занимал с тех пор, как окончил университет.

Спустя чуть более получаса актриса бродила по квартире месье Авершина, с любопытством рассматривая каждую мелочь, которых было здесь предостаточно. Первой мыслью, поразившей Клэр, когда Николя провел ее в комнату, была мысль о том, что ей здесь нравится. Так же, как нравится и хозяин квартиры. Поэтому вторая мысль о том, что, наверное, это неприлично — приезжать поздним вечером в дом к одинокому мужчине, а месье магистр определенно был одиноким, судя по его квартире, была отброшена за ненужностью.

— Кажется, я не понравилась вашей домоправительнице, — обернулась она к Николаю и рассмеялась.

— Это кухарка, — отозвался он. — Подождите, я сейчас.

Подмигнул ей и снова метнулся на кухню. Собственно, только этим он и занимался последние несколько минут — носился по квартире. Сперва, словно заикающийся школяр под осуждающим взглядом Зинаиды Ильиничны, просил как можно скорее подать чаю в малую гостиную. А ведь он, собственно, впервые в жизни привел сюда женщину этак поздним вечером. Потом спохватился и кинулся просить еще чего-то на ужин. Потом стал думать о том, не лучше ли было пригласить гостью в большую гостиную, где уже нарядили елку. Теперь же он влетел на кухню с новым вопросом:

— Зинаида Ильинична, а комната Вари готова?

— Смотря к чему, — хмуро отозвалась кухарка.

Справедливости ради, Зинаида Ильинична была самым главным человеком в этой квартире, состоявшей из четырех спален, кабинета, библиотеки, столовой, и двух гостиных — большой и малой.

— Зинаида Ильинична, — протянул он. — Время позднее, мадемуазель наверняка скоро попросится спать.

— Ну-ну.

— Не в службу, а в дружбу, покуда нет Гапы, посмотрите, чтобы у мадемуазель все было в комнате, что нужно.

Гапа, горничная, ночевать всегда уходила домой. Большого количества слуг Николай не держал. Они не были ему нужны.

После он вернулся в малую гостиную и легко выдохнул, увидев Клэр, будто боялся, что она куда-нибудь да делась, пока он решал все свои очень важные вопросы.

— Сейчас будет чай, — бросил он с порога. — Как ваше горло?

— Горло по-прежнему болит. Но мадам Кора разрешила мне не участвовать в завтрашнем спектакле. И велела лечиться.

Она еще прошла по комнате и, подойдя к дивану, сняла ботинки и с ногами забралась на него, с удовольствием откинувшись на высокую спинку.

— Значит, будем лечиться, — с улыбкой ответил Николай, торопливо соображая, как бы перевезти ее вещи в свою квартиру — наверняка багажа у Клэр немного.

Зинаида Ильинична принесла поднос с чаем и бисквитами. Расставила чашки, блюдца и вазочки с вареньем на белоснежную кружевную скатерть на маленьком столике возле дивана. Поминутно бросала взгляд на гостью хозяина. А в конце вынесла вердикт:

— Красивая. Уж получше ваших мумий.

— Спасибо на добром слове, — засмеялся магистр истории.

— Вопрос только, что она сделала с волосами. В жизни не видала такого цвета у порядочной девушки!

С этими словами Зинаида Ильинична покинула гостиную, а Николай бросился разливать чай по чашкам.

— Что она сказала? — кивнула Клэр вслед вышедшей кухарке и с загоревшимися глазами потянулась за бисквитом.

— Она сочла вас вполне подходящей кандидатурой для одной роли, — ответил Николай. — Вам с молоком или с лимоном?

— С лимоном, — отозвалась она. — Ваша кухарка разбирается в театральном

постановках?

— Самое главное — она разбирается в жизни. Сахару сколько?

— Два кусочка, — Клэр облизала пальцы и взяла еще один бисквит. — Повезло вам с кухаркой!

— Да я по жизни довольно везуч. Мне повезло жить с вами в соседних номерах в Москве и танцевать вальс-бостон в ресторации. Повезло прийти именно сегодня в Аквариум, а не завтра, когда вы уже не играли бы. Повезло, что вы заговорили со мной после нашего пренеприятного инцидента. И если мы с вами сегодня окончательно не разболеемся, то я определенно буду считать себя счастливейшим человеком.

Клэр отвлеклась от поглощения бисквита.

— И вы всерьез полагаете, — удивленно спросила она Николая, — что этого довольно для счастья?

— Эллины отождествляли счастье с судьбой человека под покровительством богов. Если судить с этой точки зрения, то сегодня боги к нам благоволят. Потому да, довольно.

— По-моему, ваши эллины большие глупцы. Все и всегда зависит только от человека. Богам наплевать на всех нас.

— Прекрасно! — засмеялся Николай. — Мысль, достойная Аристотеля.

Чай был им забыт. Саднящее горло тоже. Он наблюдал за удивительной девчонкой, с ногами сидевшей на его диване и жующей который уже по счету бисквит. Сестра Варя, конечно, ужаснулась бы. Отец от души бы посмеялся, а мать всенепременно слегла бы... на пару часов. А потом полюбила бы ее, как дочь. Как много «бы»! В этот момент ему ужасно захотелось избавиться от всех этих «бы», чтобы все стало по-настоящему.

Он встал с кресла, подошел к углу комнаты, где стоял на тумбочке огромный граммофон, и поставил первую попавшуюся пластинку. Заиграла Испанская рапсодия Равеля. «Варино», — улыбнулся Николай и повернулся к Клэр.

— Если завтра вы будете хорошо себя чувствовать, то мы поедем кататься на коньках. Вы умеете?

— Нет, не умею.

Клэр встала и, как была — без обуви, подошла к граммофону. Просмотрела несколько лежащих рядом пластинок и капризно протянула:

— А веселее ничего нет?

— Летучая мышь Штрауса, — пожал он плечами. — Правда, не вся. Только первый акт. Вторую пластинку затаскала сестрица.

Несколько минут он рылся среди пластинок, а потом обернулся к Клэр и быстро, не дав ей опомниться или возразить, поцеловал, так же быстро отстранившись.

Все последующее походило на калейдоскоп. Танцы под арии Штрауса, доеденные бисквиты, его рассказы, ее смех, рассматривание елки в соседней комнате, еще несколько быстрых поцелуев и пожелание спокойной ночи у дверей спальни сестры Николая.

Лежа без сна в постели, Клэр думала о том, что, если оставить все, как есть, это совсем не будет походило на приключение, которым выглядело их знакомство сначала. Накинув на плечи какую-то шаль, кстати нашедшуюся в комод, искательница приключений вышла на цыпочках в коридор и осмотрелась. Из-под соседней двери был виден слабый свет, заметный в темноте. Она толкнула эту дверь, та бесшумно отворилась, и Клэр прошмыгнула в комнату.

23 декабря 1925 года, Лондон

— Среднеегипетский язык — стадия египетского языка, развивавшаяся из староегипетской около 2100 года до н. э. в начале Среднего царства. После 1600 года до н. э. в разговорной речи среднеегипетский язык постепенно сменился новоегипетским, но остался в употреблении в литературе в качестве классического языка до конца IV века н. э. Предлагаю сегодня поговорить именно об эпохе Среднего царства как той среды, в которой язык развивался. Есть возражения?

Профессор Авершин обвел взглядом огромный зал Университетского колледжа Лондона. Возражений не последовало. Он надел очки и продолжил:

— Итак, Среднее царство. Оно началось приблизительно в 2040 году до н. э. со свержения фараона из Гераклеопоколя фиванским монархом Ментухотепом I. В этот период Египет превращается в крупное и сильное государство-завоевателя с мощным войском и большим экономическим потенциалом. Разрабатывались золотые прииски в Нубии, строились дороги и крепостные города. Тогда же возник так называемый «средний класс», чье появление стало одним из предвестников народного недовольства, переросшего в восстания, в итоге ставшие точкой в эпохе и ознаменовавшие начало очередного переходного периода, когда власть оказалась в руках народа. Среднее царство — это время Одиннадцатой и Двенадцатой династий фараонов, восстановивших ирригационную систему Египта, существовавшую во времена Древнего царства. К сожалению, большая часть пирамид этого периода была разграблена, что, конечно, является огромной потерей для науки...

Непонятные слова нанизывались на его голос. Лекция Николая, кажется, нравилась студентам. И отчего-то Клэр гордилась им, сидя у прохода в дальнем ряду и восхищенно следя за ним взглядом. Так же неожиданно, как и вчерашним утром, она приняла решение съездить в университет. Ей захотелось увидеть его в работе. Эта сторона его жизни также была ей неизвестна.

По дороге сюда Клара заехала в магазинчик, где вчера Николай показывал ей хрустальный глобус. Она долго вертела его в руках, с мягкой улыбкой наблюдая за разноцветными лучами, которые шар отбрасывал во все стороны вокруг себя. Расплатившись за изящную вещицу, попросила перевязать пакет лентой, аккуратно сложила покупку в сумочку и отправилась в Университетский колледж.

А теперь снова попыталась понять, о чем именно он говорит, улыбаясь собственной бестолковости.

— С сэром Гардинером вчера мы провели диспут о трактовке некоторых глаголов в иероглифах среднеегипетского языка. Кажется, вы не были удовлетворены ходом диспута, равно как и моим участием в нем. Каюсь, был не в лучшей форме. Потому взамен предлагаю вам сегодня задать мне любые интересующие вас вопросы.

По залу прокатился негромкий рокот перешептываний. Профессор Авершин нынче в ударе. А в ударе он совершенно преображался. Голос его делался насыщенным, взгляд острым и даже немного лукавым.

Одна из студенток первой уверено подняла руку.

— Мисс?

— Сколько вам лет, мистер Авершин? — дерзко спросила девочка.

— Так много, что ответ может показаться неприличным, — Николай улыбнулся и поправил очки под веселое хихиканье в лекционном зале. — Вопросы по существу будут?

— Что нужно, чтобы попасть в вашу группу археологических исследований в Каире?

Николай вышел из-за кафедры и, сунув руки в карманы, сказал:

— Во-первых, неподдельный интерес к исследованиям, готовность к адскому труду и выносливость. В Каире несколько более жаркий климат в сравнении с лондонским. Во-вторых, набор базовых знаний. В-третьих, разумеется, совершеннолетие. Так как? Записываетесь?

Девушка стусевалась, а профессор вернулся за кафедру.

— Еще желающие есть?

Несколько молодых людей подняли руки, и профессор продолжил отвечать на вопросы уже более допустимого характера.

Клэр усмехнулась. Шустрая студентка напомнила ей саму себя времен оперетты. Ей нравилось вести себя вызывающе и обращать на себя внимание. Тогда казалось, что она все может сама. Лишь много позже Клара поняла, как сильно заблуждалась. И разучилась верить в себя.

Она перестала прислушиваться к вопросам и ответам. Смотрела на Николая и пыталась запомнить его таким, каким он стал теперь. Скоро он уедет в Париж, потом в Каир. А Генри ведет переговоры о гастролях в Америке...

Неожиданный смех, прокатившийся по аудитории, вернул ее к происходящему.

— Я решила, — заявила все та же девчонка. — Мне подходят условия, и я хочу в вашу группу. Египет я обожаю, здоровье у меня отменное, а восемнадцать мне исполнится через два месяца!

— С чем я вас сердечно и поздравляю, — в тон ей ответил профессор Авершин. — Но сперва вам придется оформить отпуск в университете и поставить в известность ваших родителей о смене рода занятий на ближайшие месяцы.

«Если бы я ставила в известность родителей, то сейчас, в лучшем случае, владела бы рыбной лавкой своего отца», — фыркнула про себя Клэр.

— Но концептуально вы ничего не имеете против, и, если я приеду в Париж через два месяца проситься в группу, вы меня не прогоните?

— Дай бог, чтобы вы не остыли за два месяца, — хохотнул Авершин, да так и замер с открытым ртом, наткнувшись взглядом на даму в витиеватой шляпке, сидевшую у самого выхода. Потом чуть улыбнулся одним уголком рта так, чтобы она знала — он улыбается ей. И продолжил: — Мы отправимся на западный берег Нила, в стоворотные Фивы, как называли этот город греки. И там... проведем ряд археологических исследований, большей частью письменности, но, уверен... найдем много чего интересного, помимо иероглифов.

Клэр была совершенно уверена, что на своем западном берегу Нила он обязательно найдет много чего интересного. И улыбнулась ему в ответ.

Лекция еще продолжалась, когда он, раздосадованный, что время тянется слишком медленно, стал бродить между рядов. Зал был наклонный. Профессор то поднимался по лестнице, то спускался. Ради нескольких минут, когда видел Клэр чуть ближе.

Студенты были любознательны, задавали вопросы, но к концу последней минуты знали наверняка, у шустрой девчонки нет никаких шансов против дамы в причудливой шляпке, которая совсем не походила ни на коллегу, ни на ученицу профессора Авершина.

Когда, наконец, прозвенел звонок, оповещавший о конце академического часа, Николай снял с носа очки и, дождавшись, пока аудиторию покинут студенты, наконец, поднялся к Клэр и сказал:

— Здравствуй. Откуда ты взялась?

Пожалуй, он хотел бы спросить, откуда она взялась в его жизни... Но оставалось довольствоваться только этим днем.

— Приехала в автомобиле, — она оперлась подбородком на руку и, чуть растягивая слова, сказала: — Резвые у тебя студенты. В Париже такие же? С их желанием ехать за тобой на край света ты вполне можешь к лету собрать не одну группу.

— В Париже еще хуже, — отмахнулся он. — К лету отсеется половина. И, если не будет финансирования, то и экспедиции не будет. И как тебе лекция? Интересно?

— Ужасно! — глаза Клэр сверкнули, и она негромко рассмеялась: — Правда, я ничего не поняла.

— Ну, признаться, единственным моим успехом на артистическом поприще было чтение басни, когда мне исполнилось четыре года. Так что, мы квиты, — в тон ей ответил Николай. — Куда идем сегодня? Будут у дамы пожелания?

— А... как же...

«Вера», — хотела она спросить, но промолчала. Еще день-два можно сделать вид, что нет ни Веры, ни Генри. И даже прошедших пятнадцати лет тоже нет. Пока у нее есть возможность немного побыть с ним.

Новая шальная мысль посетила ее сумасшедшую голову. Она точно знала, что после пожалеет об этом, но остановиться уже не могла.

— Как ты смотришь на то, чтобы отправиться в небольшое путешествие? — спросила Клара, напустив беззаботный вид. — Но мы не вернемся до позднего вечера.

Вчера, когда она оказалась дома, Генри сообщил ей, что запретил Ноэлю приезжать на Рождество. И не позволил ей сказать ни слова в ответ. Но около получаса выговаривал о том, как она балует мальчишку. Что, если не проявлять строгость, то ее попустительство может закончиться крайне плачевно. Молча выслушав мужа, Клара отказалась от ужина и ушла к себе.

— Господи, Клэр, могла бы уже постараться усвоить, что с тобой я отправлюсь на любую авантюру! — отвлек ее от мрачных мыслей Николай. — Так куда?

— Я отвезу тебя в Бедфорд.

Держась за руки, они вышли за ворота колледжа, и Клэр подошла к новенькому Бэнтли ярко-зеленого цвета.

— С некоторых пор я очень полюбила этот городок, — рассказывала она по дороге. — Конечно, особенно красиво там летом. Я люблю бывать на реке. Наверняка, она ничуть не хуже твоего Нила. А Ноэль мне все уши прожужжал про какого-то полковника Бернаби, который родился в Бедфорде, и то ли воевал в Египте, то ли путешествовал на воздушном шаре.

— Может быть, и то, и другое? — хохотнул Николай. — Толковый у тебя мальчишка. И что мы будем делать в Бедфорде?

— Осматривать руины Бедфордского замка, — Клэр хитро улыбнулась и еле сдержалась, чтобы не показать ему язык.

— Я так и знал, что в душе ты археолог. Ищешь то, что почти не сохранилось.

Они добирались без малого три часа. С неба то и дело срывался мокрый снег. Он

смотрел на Клэр за рулем и невольно восхищался ею. Наверное, даже еще больше, чем когда-то давно. Он восхищался ее энергией, ее жизнерадостностью, какой-то одной ей присущей ироничностью. Да, такая женщина рождена для того, чтобы водить дорогие автомобили, носить элегантные наряды и улыбаться. Улыбаться. Улыбаться. Что бы там ни творилось внутри.

Едва показались первые дома Бедфорда, он сказал:

— Когда поедем обратно, поведу я.

— Хорошо, — легко согласилась Клэр.

Она проехала знакомым путем к Бедфордской школе для мальчиков и припарковала машину недалеко от главных ворот.

— Я хочу тебя познакомить со своим сыном, — сказала она, выходя из автомобиля.

Познакомить с сыном. Николай вздрогнул и посмотрел прямо ей в глаза. Потом на лице снова отразилась улыбка. Наползла так, что очевидно стало, насколько она бутафорская.

Тут же легко вышел из авто и подставил ей локоть.

— Он здесь учится?

— Да, Генри устроил его сюда, — ответила Клэр, уже привычно взяв Николая под руку.

По заснеженной аллее они подошли к зданию школы, издалека выделяющемуся своим ярко-красным цветом. А в комнате для гостей Клэр вдруг заметно разволновалась, пока привратник послал за Ноэлем.

— Я давно не видела его, — не сдержавшись, жалобно сказала она Николаю.

Он легко погладил ее ладонь, замершую в его руке. Не понимал, зачем она его сюда привезла, но, если бы она посадила его в сани с собачьей упряжкой и отправила на север, и туда бы он поехал безропотно. Удивительная закономерность жизни. Его собственной жизни.

В комнату торопливо вошел мальчик... Нет, кажется, не мальчик — уже почти совсем юноша. Ему было лет четырнадцать, уж никак не меньше. И это тоже больно резануло по сердцу. Но было что-то еще, в его наружности, что-то мимолетное, ускользающее, что заставляло душу его натягиваться струной и едва ли не вибрировать от этого натяжения. Красивый мальчишка. Вероятно, он сейчас шел в рост, поскольку был уже выше матери, а штанины брюк показались Николаю коротковатыми. Худощавый, с длинными ногами, как у кузнечика. Волосы рыжие, гораздо ярче материнских, каштановых. Но самое удивительное глаза — яркие, зеленые, невероятно светлые, смотревшие на незнакомца недоуменно и пытливо. У Клэр взгляд был, как коньяк или янтарь. Совсем другой взгляд.

Клара вырвала свою ладонь из рук Николая и поспешно подошла к сыну. На минуту замерла, потом порывисто прижала его к себе и быстро отпустила, зная, что сейчас услышит его досадливое:

— Ну, мааам!

Она коротко поцеловала его в щеку и, взяв за руку, подвела к Николаю.

— Познакомься, Ноэль! Это мой давний знакомый, профессор истории мистер Авершин, — и, счастливо улыбаясь, посмотрела на «месье магистра»: — Мой сын Ноэль...

— Добрый день, мистер Авершин, — раздался смешной, ломающийся юношеский голос.

— Здравствуйте, Ноэль, — с улыбкой поздоровался Николай, протянув руку для пожатия и лихорадочно соображая, о чем говорить с подростком... с сыном женщины, которую он любил всю жизнь. — Миссис Уилсон утверждает, что вы — большой любитель

истории?

Ноэль пожал протянутую ему руку, и вдруг его глаза радостно загорелись, как было свойственно матери.

— Вы тот самый профессор Авершин? — не веря себе, переспросил он и бросил обиженный взгляд на Клэр. — Мама никогда не говорила... Я читал вашу статью в берлинском *Zeitschrift für ägyptische Sprache*... «Основные грамматические категории среднеегипетских глаголов»

Николай растерянно, почти беспомощно посмотрел на Клэр. Так, будто она могла подсказать ему, что говорить этому незнакомому мальчику, который смотрел на него с таким восхищением. И что делать с тем странным чувством, закравшимся куда-то в самую его суть — чувством сродни все тому же восхищению, что он теперь читал в глазах Ноэля. Понимание того, что вот этот мальчик — ее сын, плоть от ее плоти, сделалось теперь определяющим. Удивительный мальчик. Сын удивительной женщины.

— Я рад, что вам понравилась моя статья, — наконец, ответил Николай, сразу заговорив с ним как с равным, как со взрослым. — Если хотите, могу прислать еще несколько франкоязычных журналов, которые будут вам небезынтересны.

— Если вас не затруднит... Я буду вам очень признателен, — смутился Ноэль и снова глянул на мать.

Улыбнувшись, она взяла его под руку.

— Я ненадолго. И должна сегодня вернуться домой. Давай погуляем. Покажем мистеру Авершину твою школу.

Ноэль кивнул и ушел одеться. Клэр посмотрела на Николая.

— Ты не сердись, что я привезла тебя сюда?

— Почему, по-твоему, я должен сердиться? — глухо переспросил он. — Это тоже твоя жизнь. Она у тебя замечательная, правда.

Клэр лишь улыбнулась в ответ. Вернулся Ноэль. И ей показалось забавным наблюдать, как ее сын ведет их на прогулку, показывает какие-то статуи, рассказывает о новой часовне, недавно построенной в школе. Снег перестал, поэтому гуляли они достаточно долго. Улыбаясь, она слушала, как Ноэль мучает Николая вопросами, на которые тот терпеливо отвечает. Но неумолимо надвигающийся вечер напомнил, что пора возвращаться. Они снова оказались в комнате для гостей, теперь чтобы попрощаться. Клэр прижалась губами к холодной щеке сына и вдруг вспомнила. Достала из сумочки бумажный пакет, перевязанный золотистой лентой, и протянула его Ноэлю.

— Это тебе к Рождеству. Ты любишь такие безделицы, — снова поцеловала его. — Иди, дорогой. Нам пора.

Ноэль взял из рук матери подарок и повернулся к Николаю.

— До свидания, профессор. Рад был с вами познакомиться... А можно, я расскажу друзьям, что знаю вас? У нас есть Исторический кружок...

— Разумеется, можно, — ответил ему Николай с улыбкой. — Я был бы рад иметь такого ученика, если вы решите связать свою жизнь с историей. Если однажды вы приедете в Париж... Я теперь преподаю в Сорбонне.

— С него станется, он приедет, — весело рассмеялась Клэр, проводила взглядом уходящего сына и повернулась к Николаю. — Едем?

Дорога до Лондона в сумерках и по влажной дороге была удовольствием не из приятных. Ко всему поднялся сильнейший ветер, так и норовящий проникнуть в авто.

Николай сжимал руль и гнал слишком быстро не только для этой погоды, но и для своих привычек. Снова и снова ловил себя на мысли, что ужасно хочется закурить — кажется, он весь день не курил. И еще неотступно его преследовала... нет, даже не мысль... что-то неопределенное, не дающее дышать полной грудью... Но при этом так и не оформившееся в слова.

Они почему-то все время молчали, и Николай не мог понять, отчего они молчат. Как вообще можно молчать? Он, всерьез рассердившись, повернулся к Клэр.

— Сколько ему? Тринадцать? Четырнадцать?

— Ему недавно исполнилось четырнадцать. Он не смог приехать домой. И мы провели этот день в Бедфорде.

Авершин быстро кивнул и, резко затормозив, свернул на обочину.

— Если он захочет приехать в Париж через несколько лет, вы с мужем отпустите его?

— Мы не станем его отговаривать, — глухо ответила Клэр. — Но я буду скучать по нему.

— Черт бы тебя подрал, — по-русски сквозь зубы процедил Николай и тут же перешел на французский. — Да, нам подчас приходится скучать по тем, кого мы отпускаем, Клэр. Это нормально. Нормально до отвращения к себе.

— Это ненормально, скучать по тем, кто тебя не стоит, — выкрикнула она и отвернулась.

— А кто решает, кто кого стоит, а кто нет? — в тон ей воскликнул он. И сорвался. Схватил ее тонкие плечи, сжал так, что где-то на задворках сознания забились мысль, что он причиняет ей боль, развернул к себе и быстрыми жадными поцелуями стал покрывать ее бледное маленькое холодное лицо.

Невероятно долгий миг Клэр сидела не шелохнувшись. Она позволяла ему целовать себя и позволяла себе чувствовать его поцелуи на своей коже. Потом, словно ожив, она нашла его губы и робко, чуть неловко, торопливо прикоснулась к ним. Провела острыми ногтями по его шее. Сбросив с него шляпу, запустила пальцы в волосы и теперь целовала с отчаянным восторгом, терзая и себя, и его. Руки ее стали рваться сквозь его одежду. Дергали галстук, расстегивали пуговицы...

Неожиданно она остановилась. Безвольно опустила на колени руки. И только губы ее продолжали касаться его губ. Не целуя, но не отрываясь. Тяжело дыша, Клара закрыла глаза.

На мгновение он прижал ее к себе чуть крепче. Потом отстранился, чувствуя, как внутри все рвется от боли. Знал, что через несколько минут на него навалится состояние оглушенности, почти как при контузии. Такое уже было когда-то. Потом боль вернется. Уже раздирающая внутренности. Но, черт подери, оглушенности этой он не хотел и боялся больше, чем боли.

Он устало посмотрел в ее лицо, медленно поправил на ней ворот манто, пригладил ее волосы. Потом вернул на место свой галстук. Застегнул пуговицы. Пальцы слушались, но слушались странно — он их не чувствовал.

Потом медленно повернулся к рулю.

— Прости, — пробормотал он и надавил на газ, рванув дальше, кажется, еще быстрее.

Декабрь 1910 года, Петербург

Клэр сидела на льду и счастливо хохотала. Секунду назад она упала, едва только отпустила руку Николая. Уже второй день он пытался научить ее стоять на коньках. Вчера все закончилось тем, что она, сидя на скамье, смотрела, как он катался некоторое время. Потом они поехали домой. В квартиру Николая, где она теперь находилась постоянно. Нынче, встретив ее после репетиции, он решил возобновить попытки, убеждая, что она обязательно сможет.

— Милый Николай, — пытаюсь унять смех, Клэр протянула ему руку, — я могу никогда не узнать, каково это — кататься на коньках, но учиться этому — крайне весело.

Он рывком поднял ее, и она оказалась в его объятии. Отпустил — вокруг было слишком уж много народу. Он все никак не мог привыкнуть к тому, насколько все у нее было... просто. Но вместе с тем эта ее легкость невольно передавалась и ему. И тогда самого себя он чувствовал немного другим. И гораздо счастливее, чем без нее и без этой легкости.

— Ничего, еще пару недель, и будешь кататься лучше меня, — уверенно заявил Николай.

— Две недели — это долго! — проворчала Клэр, скорчив забавную рожицу.

Вцепившись в его руку, она пыталась скользить коньками по льду, как ей показывал Николай, но вместо этого лишь неловко перебирала ногами. И снова смеялась над собственной неуклюжестью.

— Но я знаю, как можно ускорить мое обучение. Мне нужно срочно съесть пирожное!

— И чем это тебе поможет?

— Не знаю чем... — Клэр задумалась. — Я просто в этом уверена и все.

— Как скажешь! Может быть, пирожное станет тем самым балластом, который позволит тебе держать равновесие.

Он подмигнул ей и осторожно повез к выходу.

Они отправились в маленькую кондитерскую неподалеку. Пили чай с молоком, горячий и сладкий, закусывая пирожными. Их он заказал много, самых разных. Теперь на тарелке возвышалась целая горка — разноцветная, ароматная и причудливой формы.

— А как в тебя столько помещается? — спросил Николай, разглядывая ее пухлые губы, испачканные кремом, когда за ними скрылся очередной кусочек теперь уже песочного теста.

Облизнув их, она пожала плечами.

— Я обожаю всякие лакомства. Дома почти никогда не бывало. Мать считала, что чревоугодие, а тем более сладости — это грех. А мне кажется, лучше уж быть грешницей, чем отказывать себе в удовольствии, — Клэр взяла с тарелки новое пирожное и посмотрела на Николая. — Хочешь?

— Хочу, — в тон ей ответил он и, взяв ее за запястье руки, в которой было пирожное, нахально откусил. — Где сейчас твои родители?

— На Джерси. Они были там всегда. Наверное, и сейчас там, — она смахнула крошку с его губ. — После того, как я сбежала из дома, их больше не видела. И они бы вряд ли заметили, что меня нет, если бы отцу не нужна была помощница в лавке, а матери — компаньонка в молитвах. Нет, они хорошие, — поспешила добавить Клэр. — Но отец мог говорить только о своем палтусе, а мать так часто рассказывала о жизни святой Клары, что

однажды мне все это надоело, и я воспользовалась примером своей тетки.

Слушая ее, он только посмеивался — а чего еще ожидать от девчонки, тем более актрисы, тем более француженки. Но именно от нее, девчонки, француженки, актрисы, он совершенно потерял голову. За каких-то несколько коротких дней она перевернула его жизнь настолько, что он готов был поклясться — другой жизни ему не нужно. Нужна только эта — в кондитерских, на катке, в маленьких лавках, где они покупали всякие глупости, в кресле малой гостиной или на полу под елкой в большой. Впервые ему хотелось о ком-то заботиться, впервые ему хотелось кого-то баловать. Впервые он влюбился.

— Палтус и святая Клара? Увлекательное у тебя было детство, — сказал Николай с улыбкой. — А театр? Театр тебе нравится?

Глаза ее загорелись, и она страстно прошептала:

— Я обожаю театр! Я мечтаю стать, как Лилли Лэнгтри — знаменитой в театре и в свете. И я точно знаю, что оперетта — это временно. Однажды все изменится, и я буду настоящей актрисой.

— И ты будешь настоящей актрисой, — повторил он с улыбкой. — А быть простой женой простого ученого тебе не интересно?

Вопрос прозвучал легко, так же легко, как все получалось с ней.

— Пока что мне не приходилось играть такую роль, — отозвалась она и, откинувшись на спинку стула, улыбнулась. — Но сегодня вечером мне доведется побыть невестой.

— Это чьей же? — засмеялся Николай.

— Одного легкомысленного художника.

— Какая увлекательная пьеса! Билет мне достанешь?

— Мадам Кора не позволяет нам этого делать, — она смущенно улыбнулась, — но это и к лучшему. Там слишком красивая главная героиня!

Она рассмеялась и, быстро поднявшись, схватила его за руку.

— И опаздывать мне нельзя.

— Как у вас строго, — проворчал Николай, устроил ее ладонь на сгибе своего локтя и нарочито степенно пошел между столиками.

Когда они вышли на улицу, он на мгновение зажмурился — так ярко светило солнце, а когда перевел взгляд на Клэр, замер — удивительным светом это бесстыжее солнце заблудилось меж прядей ее волос, скользило по белоснежной коже и отражалось лучами в глазах.

— Знаешь, как по-русски звучит Клэр? — зачем-то спросил он.

Она вопросительно посмотрела на Николая.

— Свет-ла-я, — по слогам произнес он.

Клэр попыталась повторить чужое слово, тщательно выговорив его вслед за ним по слогам. И рассмеялась, прекрасно услышав, что у нее оно прозвучало совсем по-другому.

— Ну вот. Как я уже говорил — две недели, и у тебя все получится, — вторил он ей.

— Две недели — это слишком долго! Но, может быть, пирожные помогут и с языком?

Сегодняшнюю роль Клэр сыграла легко. Горло совсем не болело. Кухарка Николая давала ей какой-то жуткий горький напиток, строго наблюдая за тем, чтобы она выпивала все до дна. Теперь, между своими номерами Клэр подгоняла время, торопясь поскорее оказаться за воротами Аквариума, где ее будет ждать Николай.

А он, между тем, под звуки выступавшего на сцене финального хора, в числе которого была и Клэр, ожидал ее в гримерной. Остальные актрисы, с которыми она делила эту

крохотную комнатенку, предупреждены заранее, что входить не стоит. Еще бы! Богатый русский, не иначе князь какой-нибудь, крутил роман с Клэр дю Вириль, ничуть не стесняясь. И не опасаясь того, что мадам Коре это может не понравиться.

Он стоял перед ее зеркальцем и вглядывался в отражение разных женских мелочей, стоявших на узкой тумбочке под ним. Грим, щетки для волос, какие-то немислимые побрякушки. Чуть улыбнулся и достал из кармана маленький медальон-камэ на голубой шелковой ленте. Невзрачная фамильная драгоценность. Может быть, она и не заметит. И устроил этот медальон на подушечке для украшений, когда, отворяясь, заскрипели петли двери.

— Ты? — радостно вскрикнула Клэр. — Я быстро.

Она засуетилась по примерной, забежала за ширму, чтобы сменить платье.

— Кажется, я соскучилась, — выглянула она оттуда и снова спряталась за расписанной павлиньими перьями тканью.

Переодевшись, подошла к зеркалу, чтобы снять лишний грим, и заметила медальон. Чуть нахмурившись, некоторое время смотрела на него, не решаясь взять в руки, а потом перевела растерянный взгляд на Николая.

— Мелочь, безделушка, — сказал он беззаботно. — Конечно, не такая яркая, как все это, — он кивнул на разбросанные побрякушки, — но я хочу, чтобы она была у тебя.

Клэр несмело взяла медальон в руки, но, так и не решившись надеть его, завернула в носовой платок и убрала в ридикюль.

— Послушай, — негромко позвал он ее. — Сегодня ты сыграла на сцене невесту. Я прошу тебя в жизни не сыграть... быть моей женой.

23 декабря 1925 года, Лондон

В номере было темно и тихо. Запах нежилой, холодный. Странно, как это в гостиницах всегда пахнет, будто никто в них не живет. Николай прошел в спальную, в темноте разделся и лег в постель, ожидая, что жена уже видит десятый сон, и пытаюсь устроиться на самом краю кровати. Но уже через несколько мгновений понял, что в кровати ее нет. Он приподнялся, включил бра над головой и осмотрелся. Веру он нашел сидящей в кресле напротив. Она куталась в плед и глядела прямо на него. Он спокойно встретил ее взгляд и коротко сказал:

— Не бойся. Я тебе не изменял, если ты думаешь об этом.

— Я не боюсь. Этого я не боюсь, — проговорила Вера.

— Ты ведь знаешь, что у нас не семья, верно?

— Ты так думаешь?

Николай потер уголки глаз — ужасно хотелось... спать? Нет, не спать... или спать так, чтобы проснуться пятнадцать лет назад в квартире на 17 линии на Васильевском острове и уже никуда не отпускать единственную женщину, с которой у него могла бы быть семья.

— Ужасно банально и пошло — я очень виноват перед тобой, Вера, — наконец, произнес он. — Не в том, что не люблю тебя. В том, что позволял тебе оставаться моей женой, но при этом сам считал тебя другом. Ведь это было так?

— Я и была твоим другом, оставаясь твоей женой. Неужели ты до сих пор считаешь, что семья — это только сердечные волнения? После всего, что ты видел. После всего, что ты пережил.

Она встала и пересела к мужу на кровать.

— Ты всегда можешь на меня положиться, Николай.

— Я знаю.

Он помнил ее удивительно уверенной в себе молодой особой, очень прямолинейной, но при этом никогда не переходившей черты, какой она была в пору ее учебы в университете, о которой было так много разговоров. Помнил ее в пятнадцатом, когда они стояли под венцом — серьезную, торжественную, влюбленную. Потом во время своих наездов в Петроград с фронта — кратких, почти слившихся в какой-то смутный неясный эпизод. Тогда он почти ничего не чувствовал к ней — времени и душевных сил не хватало. Важно было только одно — она ждет его. Только воспоминание о ее ожидании поддерживало его. Но тогда... именно тогда ее образ постепенно меркнул, оставляя другой, настоящий, живой образ женщины, которая не ждала и, наверное, не любила. И ради той, другой, единственной, раз за разом он возвращался. В последнюю встречу с Верой в семнадцатом, когда мир перевернулся с ног на голову, он смотрел в ее худое и уставшее лицо и вдруг понял — даже и она уже не ждала. В этом смерче невозможно было ни ждать, ни надеяться. Кажется, совсем не горевала о том озвученном его решении вступить в Добровольческую армию. Приняла это спокойно, почти равнодушно. В них обоих тогда не оставалось ничего, одна только пустота. В следующий раз они встретились уже в Париже. Зачем нужна была эта встреча, он не знал. Зачем она все еще пытается жить с ним, он не знал тоже. Но то, что не мог отогреть ее, и то, что она никогда не отогреет его, он знал точно. В этот вечер особенно остро.

— Я знаю, Вера. Но от этого только хуже, — он помолчал и, уставившись куда-то в

черную бездну окна, прошептал: — Я слишком стар для любовных трагедий.

— Я тоже, — устало вздохнула Вера. — Может быть, поэтому мы до сих пор вместе. Потому что больше никому не нужны, кроме друг друга.

— Вера, я люблю другую.

Вздрыгнула. Медленно подняла голову.

— Бедный мой... — прошептала Вера. — А она?

— Наверное. Она никогда не говорила, что не любит меня. Ни разу, за последние пятнадцать лет, — он усмехнулся. — Правда, за эти годы у нас было от силы пару недель. И ими мы воспользовались самым бездарным образом. Она давно замужем и вполне благополучна. Словом, я сентиментальный идиот.

Вера взяла его за руку, чуть сжала пальцы. И так сидела некоторое время, пытаясь разобраться в собственных мыслях. Она давно уж привыкла жить только тем, как будет лучше для него. Так как теперь будет лучше для него?

— Если хочешь, я уеду, — спокойным голосом сказала она. — Ты помнишь нашу Бов? Она теперь в Берлине и звала меня к себе. Только скажи, что тебе это нужно.

— Господи, Вера... Уезжай. Хоть к Бов, хоть на соседнюю улицу. У меня сейчас совсем не будет времени решать что-то. Экспедиция... Уже летом я пропаду в Каире. Надолго.

Он чуть привлек к себе жену и коснулся губами виска. А после тихо добавил:

— Да, мне это нужно. Ведь ты всегда знала, что однажды я скажу это.

Она решительно поднялась и прошла к своему краю кровати.

— Давай спать. Поздно уже.

— Поздно, — согласился он и откинулся на подушку. — Спокойной ночи, Вера.

Вера промолчала в ответ. Беззвучно плакала, чему научилась много лет назад. Еще в России, когда старой жизни уже не было, а новой быть не могло. Вот тогда она научилась плакать так, чтобы никто и никогда не слышал. И только подушку приходилось просушивать с утра. Но и этого он не увидит. У него завтра утренняя лекция, она точно знала. Как точно знала и то, что пока он не уйдет, она будет делать вид, что спит. Но ко времени его возвращения ее уже здесь не будет.

Ему лучше будет без нее. И она всегда знала, что однажды он скажет ей об этом.

24 декабря 1925 года, Лондон

Генри Уилсон, приладив к глазу монокль, недовольно осматривал платье жены. Золотистое, из легкой газовой ткани, оно, при том, что почти не оставляло открытого обозрению тела, все-таки больше открывало, чем скрывало — этой своей воздушностью и почти прозрачностью. Оно переливалось, поблескивало и сидело на ней невероятно хорошо, слишком хорошо. Пожалуй, никогда в жизни она не была красивее. Даже в те времена, когда он подобрал ее.

— А завтра все лондонские газеты напишут, что жена Генри Уилсона одевается, как падшая женщина! — рассерженно заявил Генри. — Ты хочешь, чтобы об этом я читал за рождественским завтраком?

— Перестань, Генри, — равнодушно ответила Клара. — За своим рождественским завтраком ты прочтешь о том, что твоя жена вновь стала иконой моды и законодательницей стиля. Или что ты там заказываешь журналистам, чтобы они писали обо мне и тебе?

— Ты сама не видишь, на кого сейчас похожа? Мы будем с тобой вместе, рядом встречать гостей. И как мы будем выглядеть? Как престарелый муж-рогоносец и его слишком молодая супруга в поисках нового любовника? Прелестный водевиль! Ты в таких играла?

— Я и не в таких играла. И никогда не скрывала этого от тебя. Но я никогда за всю нашу совместную жизнь не давала тебе повода говорить о себе в подобном тоне.

— Не давала, потому что знала, чем это чревато для тебя! — рявкнул Генри, однако лицо его заметно расслабилось, монокль он убрал в карман и даже почти улыбнулся. — Я очень рекомендую тебе надеть что-нибудь попроще, Клара. У тебя есть в запасе еще целых двадцать минут. Успеешь придумать — твоя гардеробная больше нашей гостиной, — он взял ее за руку и, поцеловав в щеку, добавил: — Будь умницей, дорогая. Я жду тебя внизу.

Клара смотрела вслед мужу и думала, как так получилось, что двенадцать лет назад она благодарила судьбу, которая, как ей казалось, вновь улыбнулась, устроив встречу с Генри Уилсоном — талантливым режиссером средних лет, имевшим имя и репутацию в театральных кругах Англии. В Париж он приехал по приглашению хозяина одного частного театра ставить новую пьесу. А познакомила их Жанна. Уилсону нравилось посещать богемные места, о которых он был, конечно, наслышан, и где однажды его и встретила вечно общительная Жанна.

Клэр было с ним интересно. Сначала их встречи проходили в шумных компаниях, но все чаще они стали бывать только вдвоем. Как-то незаметно для девушки, они начали проводить вместе и вечера, а когда у них совпадали свободные дни, то выезжали за город. Впрочем, уже скоро эти отношения пошли совсем не по плану, намеченному Клэр. Она хотела лишь заполучить роль в новой пьесе небезызвестного режиссера, но Генри поставил ей условие: либо она выходит за него замуж, либо остается в своей оперетте, вполне возможно, что навсегда.

— Зачем вам это нужно, мистер Уилсон? — ошеломленно спросила его Клэр, едва не поперхнувшись кофе, который они пили на маленькой террасе на редкость не богемного кафе.

— Затем, что ты мне нравишься. Затем, что ты будешь только моей актрисой. В тебе

есть кое-что, что можно развить. То, что еще не испорчено другими режиссерами. Вдвоем мы составим неплохой дуэт. И затем, что ты будешь благодарна мне за это.

— Не бойтесь, что из меня совсем ничего не выйдет? — уже хитро улыбнулась ему девушка.

— Не боюсь, не в твоих интересах. Ты будешь стараться. Свою выгоду ты тоже получишь, обещаю. И она тебя вполне устроит.

Клэр согласилась. Плюсов, которые она получала от этой сделки, было значительно больше, чем минусов. Другого такого шанса могло больше не представиться никогда. Теперь она звалась Кларой Уилсон. А ее сын — Ноэлем Уилсоном. Генри сам выразил желание дать мальчику свою фамилию. Клара не возражала...

— Миссис Уилсон, вас к телефону, — вырвала ее из воспоминаний горничная. — Представились русской фамилией. Оу... Ау-вёр-шин.

Клара, все еще уверенная, что ей послышалось, подошла к телефону и взяла трубку, заметив, как дрожат пальцы.

— Николая?

— Я нашел твой номер в телефонном справочнике, — донеслось до нее сквозь потрескивание.

— Что-то случилось?

— Случилось. То есть, нет... Ничего не случилось.

Молчание. Краткое. Как целая вечность.

— Клэр, нам нужно увидеться.

— Где?

— Мне все равно где. Где скажешь.

— Где ты сейчас? — нетерпеливо спросила Клара.

— Parliament St. Тут бар «Красный лев». Я могу подождать тебя там.

— Я буду через сорок минут.

Клэр вызвала такси к соседнему дому, схватила с вешалки плащ, в котором горничные в дождь выходили во двор, и выскользнула за дверь.

Дороги она не помнила. Дороги не было.

Зайдя в бар, Клэр улыбнулась. Как давно она не бывала в таких местах. И осмотрелась в поисках Николая.

Он увидел ее сразу. Едва она вошла и остановилась на пороге. Медленно приподнялся из-за своего столика в самом дальнем углу, взглядываясь в ее лицо, в ее тонкую фигуру, будто пытаясь запомнить это мгновение. И молча кивнул на стул рядом с собой.

Не отрывая взгляда, Клэр прошла к нему. Сбросила плащ и присела.

— Хорошо, что ты позвонил, — прерывающимся голосом сказала она.

А он внимательно осматривал ее платье. Или ее в этом платье. Или то, что дорисовывало воображение.

— У вас вечеринка? Прости, я не подумал, что сегодня за день...

— Хорошо, что ты позвонил...

Он позвонил... Потому что не позвонить ей в этот вечер было невыносимо. Потому что жизнь без нее не имела никакого смысла. Вернее, наверное, смысл был. Но счастливее от этого не стал ни один человек. Вернувшись с последней лекции в этом году в Лондоне, он обнаружил в номере короткую записку от Веры.

«Уехала к Бов. Ты по-прежнему можешь на меня рассчитывать, но теперь уже точно

только как на друга. Будь счастлив».

Он долго сидел, глядя на эту записку и толком не понимая, что в ней написано.

А потом решился.

— Я завтра уезжаю. Хотел устроить прощальный ужин.

— Уже завтра... так скоро, — она рассматривала его лицо. Понимая, что помнила его совсем иным. Не просто моложе. В ее воспоминаниях он был разным. Он был живым. Когда кричал на нее в коридоре московской гостиницы. Когда в темноте крался вместе с ней в гостиную, чтобы показать ей елку. Даже когда она прощалась с ним. А теперь... Он словно застыл. Красивый музейный экспонат. И только в колледже он был другим. Но ей никогда не разделить с ним этой стороны его жизни.

Ну и пусть! Пока она вполне может разделить с ним рождественский ужин.

— Это очень хорошо, что ты позвонил, — радостно рассмеялась Клэр.

— Я нашел твой номер в телефонной книге.

Она тоже изменилась. Как изменилась... Совсем почти ничего не осталось. Стала красивее, спокойнее. От драгоценного камня, на который наслоились куски породы, словно бы сбили эти самые слои, и придали ему граней, но сверкал он теперь совсем иначе. И все равно она была той же — сердцевина не меняется.

— Что ты будешь? — спросил он, не отводя взгляда от ее глаз. — Говорят, здесь хорошие вина.

— К черту вино! Я буду эль. И жареное с кровью мясо.

Николай улыбнулся и едва удержался от того, чтобы подмигнуть ей.

Он сделал заказ. И пока они ждали, толком не знал, о чем сейчас говорить. О чем позволено говорить.

Потом спохватился. По-дурацки нелепо полез в бумажник и вынул из внутреннего кармашка маленький медальон. Тот самый медальон, только уже без голубой шелковой ленты. Где и когда затерялась эта лента, он не знал. Безо всякого предисловия протянул ей. И тихо сказал:

— Я бы надел его тебе, но не на что. Пожалуйста, возьми.

Клэр на мгновение прикрыла глаза. Положив украшение на свою ладонь, провела по камее пальцами.

— Если ты настаиваешь... Хотя мне по-прежнему кажется это неправильным. Ведь это не безделушка, как ты пытался меня уверить, верно? И как много сегодня у тебя осталось на память о твоей семье?

— Если не осталось семьи, то к чему память? Нет, Клэр, мне приятно было бы думать, что он все-таки у тебя. Может быть, пригодится в каком-нибудь спектакле.

Его сестру застрелили в восемнадцатом. Случайная пуля, когда Варя и Вера шли домой из лавки, где меняли золотые побрякушки на хлеб, немного соли и картофель. Она промучилась после того два дня. Его родители умерли от брюшного тифа спустя полгода. Отец в начале последней ноябрьской недели. Мать — в конце. Он сам прошел войну без единой царапины. Была лишь одна небольшая контузия в войне против немцев, когда еще оставались иллюзии нерушимости привычного мира.

— Ты права, есть вещи правильные и неправильные. Но сейчас просто поверь мне.

— Хорошо, — она улыбнулась. — Но тебе все же придется его надеть.

Она сняла с шеи цепочку с какой-то подвеской. Кажется, это Генри подарил когда-то... Подвеску убрала в карман плаща, надела на цепочку медальон и протянула Николаю. Он встал

из-за стола, взял протянутое украшение из ее рук, чуть скользнув пальцами по ее ладони, обошел вокруг и, перекинув цепочку через шею, застегнул. Потом быстро наклонился и поцеловал ее щеку — так обыденно и по-хозяйски.

— Joyeux Noel, Claire, — шепнул он ей на ухо, отстранился и вернулся на место.

— Спасибо, — она снова провела пальцами по камее, теперь уже висящей у нее на груди. — Ты когда-нибудь еще будешь в Лондоне?

— Наверное. Если не умру от какой-нибудь страшной африканской болезни, — засмеялся Николай.

Клэр удивленно смотрела на него.

— Мне не кажется это смешным.

— А мне кажется это смешным до колик. Пройти две войны и умереть в Африке при раскопках, — он улыбнулся, но при виде выражения ее лица, улыбка стерлась с губ. — Прости. И не бери в голову.

— Зачем ты так? Ты вправе считать меня самой гадкой, но это не значит, что я стану смеяться над тобой... — она замолчала, не смея произнести вслух слово, которым он бросался так легко.

— Я никогда не считал тебя гадкой. Я любил тебя.

— Я знаю, — прошептала Клэр, не глядя на него.

— Я и сейчас тебя люблю.

Она сглотнула подступивший к горлу ком. Это могло бы показаться чудом, что спустя столько времени они сидят вместе накануне Рождества, и он объясняется ей в любви. Любви, длившейся пятнадцать лет. Это могло бы показаться чудом. Но Клэр никогда не верила в чудеса. Даже в детстве.

И она улыбнулась ему.

— Это хорошо, что у нас и теперь было так мало времени. И нам некогда было жалеть и обманываться. Но если ты когда-нибудь снова окажешься в Лондоне, позвони, пожалуйста.

— Разумеется, — он откинулся на спинку стула и легко вздохнул. — Теперь, когда я знаю, где ты, так легко тебе от меня не избавиться, дорогая.

Когда им принесли заказ, он уже рассказывал ей какие-то глупости о своей работе — что-то совсем неважное, отстраненное, не имеющее значения. Он смотрел, как она уплетает свое мясо, запивая его элем, ровно так же, как когда-то давно смотрел на быстро уменьшающуюся пирамидку из пирожных. Много курил и чуть болтал носком ботинка под музыку, которую играл удивительный аккордеонист, сидевший в углу паба. И никогда в жизни он не был счастливее, чем теперь.

— Генри считает, что будущее теперь за Америкой, — бесцветно сказала она вдруг.

— Может быть. Пожалуй, даже спорить не стану. Я мало что понимаю в будущем. Моя стезя — это рыться в прошлом.

— Он думает о том, чтобы переехать туда.

— Новые возможности. Наверное, это хорошо для твоей профессии. И когда-нибудь, когда ты будешь за океаном, я стану ходить в кинотеатр, чтобы посмотреть на тебя.

— Наверное, это хорошо... А ведь ты считаешь, что все это несерьезно? То, чем я занимаюсь.

— Не более несерьезно, чем раскапывать останки. Ты очень много ради этого сделала — как это может быть несерьезным?

Аккордеонист заиграл чуть громче, врываясь в мысли и почти вырывая душу. Николай

рассеянно отодвинул пепельницу и с улыбкой проговорил:

— Совсем забыл сказать тебе спасибо за то, что познакомила с Ноэлем.

Она усмехнулась.

— Ты был не против прокатиться, а мне хотелось увидеть сына. Я знала, что он не приедет к Рождеству, — и, глядя прямо ему в глаза, спросила: — Он понравился тебе?

— Самый лучший сын на свете, — так же, глядя ей в глаза, ответил он.

— Я знаю! — рассмеялась Клэр.

— Теперь и я знаю.

Аккордеонист заиграл танго — новый танец, от которого сходила с ума Европа. И в то мгновение Николай вдруг понял, отчего, потому что и сам немного потерял голову. Это было особенно смешно, принимая во внимание, что принято считать, будто в его возрасте голова уже крепко сидит на шее. Он затянулся сигаретой, а потом резко поднялся, затушил ее в пепельнице и подошел к ней. Не говоря ни слова, не улыбаясь так, как обыкновенно улыбался в этот вечер, протянул ей руку.

Она чуть повела головой и подала ему свою.

Под резкий звук, словно оглушивший ее, почувствовала, как сквозь пальцы руки, которую он крепко сжал в своей ладони, проникло под ее кожу что-то лихорадочное, что возбуждало и пьянило. Она подчинялась его уверенным шагам и поворотам. В тесном баре, где так мало места для танца, при тусклом свете, где их никто никогда не узнает, где так легко притвориться, что нет ни прошлого, ни будущего. Мелодия, страдая, вырывалась из-под пальцев музыканта. А ей казалось, что пальцы Николая обжигают ее кожу сквозь тонкую ткань платья. Она чувствовала терпкий запах табака, от которого кружилась голова, и шумело в ушах. А он сходил с ума от запаха аниса — того же самого, прежнего, так нелюбимого им. Кто из них изменился, Господи, если он держит ее в объятиях и неумолимо теряет голову от ее духов? Когда они были единым целым — пусть только сейчас, пусть только в этот момент. Когда их соединило движение, сбившееся дыхание, бьющиеся сердца. Когда ничего другого уже просто не существовало.

Аккордеон взволнованно всхлипнул, и в наступившей тишине Клэр на полувздохе замерла в руках Николая.

Все решил один миг. Его глаза сверкнули прежним зеленым светом, который, казалось, погас навсегда, а оказался жив-живехонек, и он стремительно наклонился к ней, коснувшись ее губ своими губами. Боясь двинуться с места, она знала, что покорно позволит все: целовать, владеть, прогнать. Если он захочет. Пока у них есть еще несколько часов. Потому что завтра каждый вернется в свою привычную жизнь. А потом им обоим не хватило дыхания. И, несмотря на то, что прерывать этот поцелуй было так же немислимо, как прерывать собственные жизни, они медленно отстранились друг от друга, продолжая смотреть друг другу в глаза.

— Клэр, я... — хрипло выдохнул он.

— Что? — сплетая свои пальцы с его, спросила она глухим голосом.

— Я хочу, чтобы ты уехала со мной.

Не давая ей ответить, он крепко взял ее за руку и повел назад, к их столу, будто нарочно давая ей эти несколько мгновений, чтобы опомниться. Помог сесть, придвинул к ней свой стул. И сел близко. Так, что теперь их колени соприкасались.

— Стоит ли что-то менять? Все давно устоялось, наладилось, — она на мгновение задумалась. — Минутная слабость не должна становиться причиной разрушенных жизней,

ты не находишь? Да, я жалею, что тогда приняла... не то решение. Но сейчас уже поздно что-либо менять. Это затронет мою семью, твою жену...

— Да, я это знаю, — спокойно ответил он, придвигая к себе пепельницу. — И потому ничего не прошу. В отличие от меня, тебе есть, что терять. Но это не меняет главного. Я хочу быть с тобой.

— И как ты это себе представляешь? — прозвучало насмешливо.

— Очень просто. Однажды ты постучишь в дверь. Я открою. И ты скажешь: «Здравствуй, Николая». Замечательно, не правда ли?

— Что при этом скажет твоя жена? — Клэр зло посмотрела на него.

— Я думаю, она ничего не скажет, — отозвался Николай. — Потому что у меня больше нет жены. Только на бумаге, но это поправимо.

Она долго смотрела на него, снова пытаясь запомнить каждую черту его лица, выражение и новый оттенок его глаз, каждое движение пальцев, когда он прикуривал или стряхивал пепел. Все это надо было запомнить. Навсегда.

— Не будем ничего усложнять... Прости...

— Да куда уж проще, милая. Хочешь десерт?

Отстраненно подумав о том, что в ее жизни ни разу не было ни одного счастливого Рождества, Клэр рассеянно кивнула.

— Пусть будет десерт.

Он заказал что-то немислимое, кремовое, но, кажется, этот вечер был теперь уже безнадежно испорчен. А может быть, наоборот. Лучше его не вспоминалось ничего.

Потом они вышли на улицу и, кажется, почти совсем не говорили. Он поймал для нее такси. Напоследок снова поцеловал, теперь уже совсем привычно, будто между ними всю жизнь так заведено. И глядя, как она уезжает, исчезая в ночной тьме и вечном лондонском дожде, он думал о том, что ей, должно быть, придется врать мужу, куда она пропала в рождественскую ночь.

Глава 10

Декабрь 1910 года, Петербург

В той чертовой крошечной душной гримерной Клэр ничего не ответила. Только чуть улыбнулась и попросила Николая проводить ее в гостиницу. Потому что она обещалась помочь Жанне с каким-то важным делом, придуманным на ходу. Дорогой молчали. И она решила, что он сам уже обо всем сожалеет. Велела, чтобы ее не ждал, сказав, что позже приедет сама.

Но она не поехала к нему этим вечером. В тот момент, когда Николай попросил выйти за него замуж, все происходящее перестало быть приключением. Она лежала в тишине своего номера, снова и снова придумывая слова, которые скажет ему утром. О том, что не может быть женой ученого. О том, что не сможет жить в его стране. О том, что семья, дети, дом никак не благоприятствуют карьере актрисы. О том, что актрисы — самая неподходящая партия для молодых египтологов! Господи! Еще и этот дурацкий медальон, который она зачем-то взяла! Нужно вернуть его. И потом... когда-нибудь он подарит его той, которой... которая сможет стать ему настоящей женой.

Ей же суждены иные роли...

Ее впустила Гапа, сказав, что Николай Аристархович в малой гостиной. Не раздеваясь и не снимая шляпки, Клэр спешно прошла к нему. Ничего не говоря, она положила на маленький столик у дивана по-прежнему завернутую в платок камею.

Он устало тер виски, но при этом выглядел спокойным, что убеждало ее в правильности принятого решения.

«Милый Николай», — думала Клэр, глядя в его зеленые глаза. Он улыбался, и от этого ей было легче. Почему-то она была уверена, он знает, что сейчас услышит. Возможно, он представлял себе все иначе. Но она не станет превращать то прекрасное, пусть и недолгое, что было у них, в мелодраматическую интрижку с чрезмерными страстями. Она не для того убежала из дома, чтобы стать женой ученого в далекой холодной стране. Ее жизнь будет другой: яркой, полной, настоящей.

Спокойный голос Клэр прозвучал слишком громко в тишине квартиры:

— Adieu, Nicolas!

25 декабря 1925 года, Лондон

Клэр медленно спускалась в столовую к завтраку. Зачем это делала, она и сама не знала. Есть не хотела. После бессонной ночи в кресле болела спина. В столовой ее ждало новое испытание. Вчера, по возвращении домой, Клэр повезло проскользнуть незамеченной к себе в спальню. И она рассчитывала не встретить мужа хотя бы с самого утра. Генри, вопреки ее ожиданиям, был дома.

Он сидел за столом, как всегда, с газетой. И, едва она вошла, бросил ей, даже не отрываясь от чтения:

— Ни единой статьи о твоём платье. Как и о тебе. Собственно, потому что ни тебя, ни платья никто не видел. Умница, Клара.

— Теперь ты жалеешь, что моего платья никто не видел? — спросила равнодушно Клэр, присаживаясь к столу.

— Теперь я жалею, что не свернул тебе шею, когда у тебя появилось собственное мнение по всякому поводу. Я не стану унижать себя вопросом, куда ты вчера сбежала. Я просто попрошу тебя больше так никогда не делать.

— Я не стану так больше делать, — криво усмехнулась она.

Генри удовлетворенно кивнул и вернулся к чтению. Он пил чай совсем беззвучно, не гремя чашкой о блюдце, не тарахтя ложкой, не прихлебывая — настоящий джентльмен. Во всем безупречен.

— Кстати, — вдруг сказал он, по-прежнему не глядя на жену, — тебе необходимо решить, сколько вещей из гардероба ты возьмешь с собой на корабль.

— Какой корабль?

— Который плавает по воде.

— О чем ты, Генри? Я не желаю разгадывать твои шарады.

Генри Уилсон недовольно поморщился и, наконец, закрыл газету и убрал ее в сторону, свернув несколько раз.

— Мы едем в Америку, любовь моя. Ты будешь играть на Бродвее.

Внутри нее что-то щелкнуло, как часовой механизм при переводе стрелок, и зазвенело. «Я больше не могу», — отчетливо прозвучало в голове.

— Твоей бульдожьей хватке можно только позавидовать, — Клэр поднялась из-за стола и направилась к выходу.

— Мечты для того, чтобы сбываться, дорогая, — крикнул Генри ей вслед, разбивая ложкой яйцо, сваренное всмятку, как он любил. — А я твой счастливый билет.

Потом она часами металась по комнате, что впоследствии стерлось из ее памяти уже навсегда. Потому что время не существовало для нее, его не было. Была только стена, которую она силилась отодвинуть и никак не могла, пока не поняла, что стену эту построила сама. Из дней, месяцев, лет... Время материализовалось в этой стене. Отделив ее от того, что единственное оставалось важным в жизни.

Шкаф, стол, камин, ширма, кресло, окно...

Прервав беспорядочное движение по комнате, она застыла, глядя, как темнеет на улице от затянувших небо туч. В комнате впору было зажигать свет, но она не торопилась это сделать. В сгущающихся сумерках было проще видеть призраков. Призраков, которых она

звала, и одновременно боялась, что они придут. Она видела себя девятнадцатилетнюю. Восторженную, целеустремленную... Глупую! И видела его. Но теперешнего. Такого, каким он запомнился в момент их объяснения. Спокойного, сдержанного, все понимающего. Ведь она знала, что он никогда не устроит сцены и примет все, что услышит. Но как же она хотела, чтобы он хотя бы прикрикнул на нее. Чтобы можно было заставить себя подумать, определить, решить.

Она протянула руку к окну и стала пальцем чертить на стекле какие-то фигуры, узоры, линии. Лишь бы хоть что-то делать. Было уже совсем темно, на улице бушевал неожиданный снегопад, а она по-прежнему стояла у окна, всматриваясь в мокрую черноту. Продолжая видеть на стекле его лицо. Его черты — глаза, нос, губы — она обводила раз за разом. Не отпуская его и зная, как далеко он теперь от нее.

Резко оттолкнувшись от подоконника, в который раз ринулась по комнате. Люстра, торшер, бра, настольная лампа... Схватила ручку, придвинула к краю стола лист бумаги и вновь замерла.

Вероятно, она сошла с ума. Все, к чему она шла так долго и так упорно. Что казалось смыслом ее жизни. Ради чего она каждый день просыпалась. Все это она пошлет к черту. Прямо сейчас. Потому что на самом деле без него это стало совершенно ненужным. И, оказывается, никогда не было нужным.

Где-то в сердце кольнуло, а из горла вырвался тяжелый горький вздох. Она должна набраться смелости и признать, что пятнадцать лет назад ошиблась, легко распорядившись их судьбами. За те несколько дней, что были у них, она не смогла разобраться в себе. Глупая девчонка и подумать не могла, что все произошедшее было по-настоящему и на всю жизнь. Она испугалась, что рядом с ним, занимающимся настоящим делом, ее мечты окажутся нелепыми и смешными.

Клэр жалела о своих вчерашних пустых словах о том, что все поздно. Все это она говорила, чтобы успокоить себя. А ведь ей стоило сказать лишь одно слово, и она бы уже никогда не вернулась к Генри.

Но невозможно бесконечно прятать свои чувства. Она не хотела. И не желала терять ни минуты. Отбросила в сторону ручку и спокойно подошла к шкафу. Собрала самое необходимое в саквояж. Переделась во что-то практичное. Оказывается, в ее гардеробной есть вполне приличное темное пальто. Элегантное и совсем немаркое. Не для актрисы. Вернулась к столу. Все-таки черкнула несколько строк для Генри, приколов записку к подушечке с булавками. Потрогала рукой камешку на шее...

Ноэль... С Ноэлем она все обсудит потом. Они всегда понимали друг друга с полуслова. И обязательно заберет его во Францию. Слава богу, он никогда не был особенно привязан к Генри.

Не оглядываясь, Клэр вышла за дверь. Она отправлялась домой. К Николаю. Навсегда.

28 декабря 1925 года

Он открыл дверь ключом и, не разуваясь, прошел на кухню, устроив бумажный пакет с продуктами на столе. Приехал накануне вечером, и выбираться куда-то еще сил не стало. Ожидать, когда явится мадам Диздье, его кухарка, желания не было. Очень смутно он припоминал, что, кажется, они с Верой отпустили ее на месяц проведать родственников в какой-то городок на западе. Названия он не помнил. Потому справляться теперь приходилось самому.

После он сварил себе кофе и, отщипнув внушительный кусок от багета, направился с чашкой в гостиную. Здесь уже свое место на столе нашел небольшой ящик с елочными игрушками. Впервые за последние несколько лет в Париже он намеревался ставить елку. И все равно, что поздно. Впереди Новый год. Дальше он не думал.

Был встревожен. Что-то смутное шевелилось в душе, заполняя постепенно в ней все пространство. Это началось в их с Клэр последний вечер. В Лондоне, в «Красном льве». И усиливалось с каждым днем, превращая его в сплошное ожидание. Он и сам не знал, чего ждет. Строить планы не мог. Дважды за этот день садился писать статью, но так и не выходило.

Он совсем не думал о Клэр. И вместе с тем подспудно думал о ней постоянно, каждую минуту. Размышляя о том, что нужно сварить кофе, видел, как она отпивает из кружки тот чертов эль. Разбирая корреспонденцию, видел перед глазами строки ее записки в день их сумасшедшего свидания. Когда за окном шел густой снег, он видел ее руки в перчатках, сжимающие руль автомобиля, а стоило завести патефон, тотчас оказывалось, что на пластинке — запись незнакомого танго. О самой Клэр он не думал. Но знал, что через два дня боль навалится на него с оглушительной силой, которую ни сдержать, ни предупредить. А после боли придут отупение и оглушенность, как при контузии.

Николай взял с полки какую-то книгу, и, продержав ее на коленях несколько минут, пока остывал кофе, поймал себя на мысли, что нужно было запереть Клэр в своей квартире на Васильевском острове до тех пор, пока она не отбросила бы всякую нелепую мысль о побеге. Тогда все могло бы быть иначе. Тогда Ноэль не звал бы его «профессор Авершин», но звал бы как-то совсем по-другому. Как когда-то сам Николай называл своего отца.

Но он не запер ее. Он позволил ей выбирать. Чего же теперь ждать от женщины, которой стала его Клэр дю Вириль? Женщины, у которой было все, о чем она мечтала пятнадцать лет назад. И все-таки ждал. Каждую минуту этих дней с момента их последней встречи.

Он засмотрелся на снег, который валил за окном, и отстраненно думал, что все-таки нужно выбраться из квартиры — хотя бы разыскать елку, когда неожиданно раздался звонок в дверь. Николай, чувствуя гулкие удары сердца, отдающиеся эхом по всему телу, медленно поднялся с кресла, отставил на узкую полоску свободного стола чашку с совсем уже остывшим кофе. И отправился открывать.

И почему-то точно знал, кого увидит на пороге.

Всю поездку Клэр ощущала сквозь пелену своих рваных вздохов. Номер в скромной гостинице недалеко от вокзала, который она заняла, чтобы дождаться утра. Поездка в Дувр первым же поездом. Французский берег и снова поезд. Поиск в Сорбонне хоть кого-то в

рождественские праздники, кто поможет ей узнать адрес профессора Авершина.

«Я хочу встретить тебя на обратной стороне Луны. Там, где будем только мы. Где мы сможем быть правителями и народом, влюбленными и любимыми» — вспомнилась ей какая-то пафосная чепуха, пока она ехала в такси на Монмартр. Откуда она это взяла — из пьесы ли, из книги... Неважно теперь. Важно, что она хочет свою луну, общую на двоих с ним.

В следующий раз она вновь почувствовала себя, когда увидела Николая, открывшего ей дверь и, сделав глубокий вдох, беспечно сказала:

— Bonjour, Nicolas!

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net